

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Александра –
НАКАЗАНИЕ
ГОСПОДНЕ

издательство «ЭКСМО»

Ирина Мельникова

Александра – наказание Господне

«ЭКСМО»

Мельникова И. А.

Александра – наказание Господне / И. А. Мельникова —
«ЭКСМО»,

Появление Александры, дочери известного путешественника графа Волоцкого, в светском обществе Петербурга равносильно взрыву вулкана. Ей нет равных не только по красоте и уму, но и в умении отваживать нежелательных женихов и осаживать чванливых светских франтов. И только молодой князь Адашев не обратил на юную красавицу никакого внимания. Неугомонная Александра решает за это наказать князя, и вскоре в его доме появляется новая гувернантка – невзрачная, в старомодном платье и нелепом чепце... Чем станет эта девушка для Кирилла Адашева – сущим наказанием Господним, или, наоборот, даром Божьим?..

© Мельникова И. А.

© ЭКСМО

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	21
5	25
6	30
7	34
8	37
9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Мельникова

Александра – наказание Господне

1

В дверь осторожно постучали. Графиня поспешно отдернула руку, которую собирался поцеловать *bel homme*¹ Кирдягин. Поправила слегка растрепанные букли, привела в порядок потревоженное декольте, сделала глубокий вдох, обмахнулась веером, стараясь согнать с лица обильный румянец от неумеренных и весьма пикантных комплиментов известного столичного повесы и бретера, и только тогда соизволила произнести:

– Войдите!

В будуар, почтительно склонившись, скользнул слуга в ливрее. В руках он держал серебряный поднос, на котором в одиночестве возлежал большой сиреневый конверт, скрепленный круглой сургучной печатью с пропущенной сквозь нее изящной золотистой ленточкой.

Сердито посмотрев на лакея, графиня двумя пальчиками взяла конверт, нервно взмахнула веером и недовольно проговорила:

– Сколько раз нужно повторять, чтобы меня не тревожили во время визитов?! Нет, в этом доме определенно желают свести меня с ума! Все, что я ни прикажу, выполняется из рук вон плохо или вовсе забывается!

Она виновато взглянула на Кирдягина, развалившегося в кресле напротив и с преувеличенным вниманием рассматривавшего свои тщательно отполированные ногти. На замечание графини он ответил едва заметным пожатием плеча да поднятыми вверх аккуратными и, как она подозревала, искусно подправленными куафером² бровями, тем самым достаточно талантливо изобразив огорчение от возникшей вдруг помехи.

Лакей склонился еще ниже:

– Ваше сиятельство, велено срочно передать это послание лично вам. Господин Рябинин-с, секретарь его сиятельства, распорядились...

– *Peut-on faire des comme-ca?*³ – вздохнула графиня и взмахом веера показала лакею на дверь. – Ступай, Степан, и передай, что я велела более меня не беспокоить, понял, шельма окаянный?

– Понял-с, понял-с! – попятился к двери Степан. – Все скажу, чего уж там!

Проследив за тем, чтобы дверь за ним захлопнулась, графиня дернула за витой шелковый шнур. Тяжелая бархатная штора рухнула вниз, отгородив будуар от внешнего мира.

Кирдягин в это время с тоской взирал то на окно, за которым близился к трем часам пополудни сырой и серый петербургский день, то на небольшой столик у кресла графини. На нем ждала своей очереди бутылка дорогого шампанского, покрытая тонким слоем подтаивающего инея. Услышав громкий хлопок, Кирдягин обернулся, и тотчас его чувствительный нос некрасиво сморщился, и гость вдруг звонко чихнул.

Графиня, к счастью, не обратила внимания на столь очевидный конфуз своего поклонника, и продолжала вертеть конверт с четко выведенными на нем крупными буквами. Почерк был ей незнаком, принадлежал, несомненно, мужчине, и причем довольно солидного возраста, чтобы отказаться от замысловатых завитушек и причудливых вензелей, которыми в последнее время так увлекались ее подруги и франтоватая молодежь вроде Кирдягина.

---

¹ *Bel homme* (франц.) – красавчик.

² Парикмахер.

³ *Peut-on faire des comme-ca?* (франц.) – Ну позволительно ли так поступать?

– «Ее сиятельству, графине Буйновской Елизавете Михайловне», – прочитала графиня. В этот момент истомившийся Кирдягин подкрался к ней сзади и прижался губами к маленькой черной мушке у основания не потерявшей былого изящества и стройности женской шеи. Но Елизавета Михайловна, дернув плечом, словно отгоняя докучливого слепня, опустила в кресло.

– Mon ami, будьте так добры, подайте мне нож для разрезания бумаг.

Mon ami, нисколько не расстроившись из-за несостоявшегося поцелуя, незамедлительно исполнил просьбу и вновь залег в кресле в позе утомленного жизнью персидского кота.

Графиня тем временем, надрезав конверт, достала небольшой лист веленовой бумаги. Пробежав его глазами, она вскрикнула, откинулась на спинку кресла и принялась усиленно обмахиваться веером, отчего изображенные на нем Афродита и Адонис, казалось, ожили и забили в пляске святого Витта.

Кирдягин вскочил на ноги и услужливо протянул флакон с нюхательной солью, но графиня оттолкнула его руку и, взяв со стола колокольчик, позвонила. В ту же секунду из-под кресла выкатилась любимая собачка и тезка Елизаветы Михайловны Бетси; она радостно подбежала к новым панталонам гостя и, если бы не открывшаяся тут же дверь из соседней спальни, непременно испробовала бы их на вкус и прочность. Подоспевшая горничная Настя подхватила зловредную левретку, и Кирдягин облегченно вздохнул. Он собирался нанести еще несколько визитов, и сражение за собственные штаны могло существенно подорвать его надежды на будущее.

– Настя, отнеси Бетси покормить и скажи, чтобы ее немедленно вынесли на прогулку. И передай дворецкому, что я велела подать через час карету, а сама живо приготовь мне синее кашемировое платье да бархатный салоп, тот самый, с атласными вставками, и не забудь про новую мерлинскую шаль. Непременно надо показать ее княгине! – Встав с кресла, графиня положила конверт с письмом в большую черного лака шкатулку, украшенную затейливым растительным орнаментом. – А это оставь в моей спальне.

Настя, шустрая, разбитная девка, сверкнув глазами на Кирдягина, едва заметно ухмыльнулась, негодница, и, как степной вихрь, умчалась выполнять приказы барыни. Елизавета Михайловна повернулась к гостю:

– Милостивый государь Дмитрий Афанасьевич, – она коснулась его руки длинными, унизанными кольцами пальцами, – к великому сожалению, мне необходимо сделать несколько срочных визитов и я вынуждена покинуть вас.

– Насколько я понимаю, графиня, вы меня выпроваживаете? – Кирдягин в отдельные моменты своей жизни не боялся показаться излишне прямолинейным. Особенно, если дело касалось женщин зрелого возраста и в известной степени к нему равнодушных. В отношении графини Буйновской у него были все основания полагать, что она влюблена в него как кошка, и потому решил покапризничать. – Что ж, мне ничего не остается, как раскланяться. Видно, я ошибся в своих предположениях, разговоры наши показались вам неимоверно скучными и неинтересными, раз вы предпочли мое общество делам, а не тому, о чем я так страстно мечтал все эти дни...

– Перестаньте, mon cher ami! – Графиня против его ожиданий не смутилась, не покраснела, и даже веер на сей раз не трепыхнулся в ее руках. – Изясняйтесь попроще! Известность в свете вам принесло не умение красиво плести слова, а постельное мастерство! Вы не хуже меня знаете, с какой целью я пригласила вас в свой будуар. Мне хотелось вывести из себя графа Буйновского, о котором на каждом углу болтают, что он не покидает будуар m-lle Camille. Но теперь все изменилось. Не скрою, меня покорили ваши манеры и обходительность. Сегодня я испытала величайшее искушение и, если бы не сие послание, возможно, ваши мечты и сбылись бы. – Елизавета Михайловна посмотрела на слегка побледневшего Кирдягина. Несосто-

явшийся любовник успел достать из кармана сюртука золотую с эмалевым покрытием табакерку, да так и застыл, сжимая ее в одной руке, а щепотку табака – в другой.

Буйновская расхохоталась:

– Не горюйте, голубчик, таких дур, как я, на ваш век хватит! Вы правы, у меня сейчас другие заботы. Через несколько дней приезжает дочь моей покойной сестры, Александра. Девушка она неискушенная. В свет выезжает впервые, потому мне нужно подготовиться, все обдумать, чтобы ее представление оказалось удачным. Тем более что время на поиск достойного мужа ограничено.

Графиня заметила взгляд Кирдягина, брошенный на шампанское, улыбнулась про себя и мысленно перекрестилась. Воистину Всевышний приложил руку к тому, чтобы она вовремя получила это письмо, и тем самым отвел от соблазна – дело закончилось целованием ручек и до шампанского не дошло.

Она прекрасно разбиралась в своих слабостях и не раз испытала на себе действие благословенного шипучего напитка. Ничто так не умиряет женскую гордыню и мужское чванство, как бокал хорошего вина. Порой он вынуждает забыть не только служебные обязанности и супружеский долг, но предаёт забвению величие свершений предков и полосатые гербы с коронами... Перед ним бессильны и простые смертные, и даже монаршие особы, которым иногда тоже свойственно отринуть доводы разума и подчиниться законам сердца...

Кирдягин слегка кашлянул, отвлекая графиню от ее мыслей:

– Позвольте узнать, милейшая Елизавета Михайловна, могу ли я нанести визит и засвидетельствовать свое почтение вашей племяннице?

Графиня, свысока оглядела смазливую физиономию столичного fashionable⁴ и усмехнулась:

– Но-но, mon ami! Александра не про вашу честь! Пусть отец у нее и непутевый граф Волоцкий, но он богат, а род у них старинный и славный, так что держитесь от нее подальше!

– Но она хотя бы красива?

– Не знаю! – Буйновская, похоже, была озадачена. – Они всего-то месяца два как из-за границы вернулись, так что я никогда ее не видела. Правда, сестра моя, Ольга, слыла в свое время первой красавицей Петербурга, да и самого графа, черт бы его побрал, тоже бог не обидел! Можно надеяться, что девочка не дурнушка, а с тем приданым, что отец за нее обещает, думаю, в девках она долго не засидится!..

... Через час после неудачного визита к графине Буйновской Кирдягин в высоком черном цилиндре, темно-синем сюртуке на вате и панталонах, счастливо избежавших зубов пакостницы Бетси и имевших, как изволил выразиться один из его приятелей, цвет упавшей в обморок лягушки, медленно прогуливался вдоль Невского проспекта. Левую руку Дмитрий Афанасьевич закинул на поясницу, правой опирался на тяжелую, инкрустированную серебром трость из мореного дуба. Изредка он лениво поглядывал через лорнет, небрежно кивал в ответ на приветствия многочисленных знакомых и продолжал размеренно шествовать по проспекту. Друзья и товарищи разводили в недоумении руками, не понимая причины странной меланхолии известного в свете весельчака.

А мысли Кирдягина были далеко и заняты непривычным для него делом: он размышлял, взвешивал *pro et contra* и даже *просчитывал* возможный доход от поступка, который вознамерился осуществить в самом ближайшем будущем.

Наконец сумбур, царивший в кудрявой голове отъявленного ловеласа и кутилы, несколько улегся, мысли приобрели четкость и стройными колоннами замаршировали в заданном направлении. И тогда Кирдягин, перестав витать в эмпиреях, весело щелкнул пальцами, озорно, по-гусарски, крутанул ухоженный ус и отправился в ресторацию Фёльета, чтобы ото-

---

⁴ *Fashionable* (англ.) – модник, щеголь.

бедать в компании подобных ему бездельников; там его ждали жирные устрицы, кровавый ростбиф, трюфеля и бутылочка сокрушительной красной мадеры на пару с графинчиком бархатного, подогретого лафита...

Жизнь продолжалась, а Дмитрий Афанасьевич, по обычаю, ждал от нее только праздников и подарков!

2

– Александра, потрудись объяснить, что случилось с Кирдягиным? – Елизавета Михайловна, подобно олимпийскому марафонцу, с трудом перевела дух. – Он так быстро промчался мимо меня, что чуть не сбил с ног генерала Сахнова. Такое впечатление, что его основательно потрепали дворовые псы! Многие заметили, как он сопровождал тебя в зимний сад, – и вот такой конфуз! Признавайся, ты опять что-то натворила?

Племянница подняла на тетку огромные темно-синие глаза, и если бы графиня не имела уже опыта общения со своей внезапно свалившейся на голову родственницей, то вполне могла подумать, что более кроткого и невинного существа в природе не существует!

– Право, ничего, тетечка! – Девушка вдруг озорно улыбнулась, обняла тетку за плечи и поцеловала в щеку. – Просто он осмелился разговаривать со мной в непозволительном тоне и к тому же сделал несколько опрометчивых предложений, да еще попробовал ущипнуть за грудь, словно я трактирная девка! Будь я мужчиной, я бы непременно вызвала его на дуэль!..

– Господи, Александра, и ты называешь это «право, ничего»? Да только за одно из этих прегрешений я откажу ему от дома! Каков мерзавец! И как он посмел так обращаться с тобой?

– Думаю, – Саша наморщила лоб, – ему не дает покоя то, что я отвергла его предложение руки и сердца, и он, вероятно, догадывается, что без вас тут не обошлось. Вот и пытается теперь досадить нам обеим. Потому я и решила раз и навсегда прекратить эти никчемные вздохи и рассчиталась с ним по всем пунктам его домогательств.

– Значит, разорванная манишка?..

– Ответ на предложение стать его любовницей!

– А синяк под глазом?

– Это он попробовал назвать меня дурой набитой.

– А хромал тогда почему?

– Закономерный результат нежелательных для меня объятий и поцелуя. Тетечка, вы не беспокойтесь! Я умею за себя постоять! Например, когда мы жили в Канаде, один траппер⁵ гнал за мной десять миль на собаках и отстал лишь после того, как я отстрелила ему ухо.

– Ухо?! – Графиня с неподдельным ужасом уставилась на племянницу. – Зачем ты это сделала?

Девушка пожала плечами.

– Как зачем? Он хотел на мне жениться, но я поставила условие: если его упряжка обгонит мою, я, возможно, подумаю над его предложением...

– И, как я догадываюсь, он не обогнал тебя, но, мой бог, зачем же лишать человека ушей?

– Так это в другой раз случилось! Он задумал меня украсть и взять силой...

Елизавета Михайловна быстро перекрестилась.

– Надеюсь, после этого он отстал от тебя?

– Нет, потом он предложил папе богатый выкуп – сто шкурок бобра и соболя...

– Чувствую, графу показалось маловато?

– Нет, папенька про это не узнал. Мой друг – Шаро-Ке-Те, вождь племени олманчей, пригрозил Уэдди, так звали этого траппера, снять с него скальп, и он оставил меня в покое.

– Как ты назвала этого вождя? Шаро?..

– Шаро-Ке-Те, что значит Быстрый, Как Молния. Он тоже хотел взять меня в жены...

– И ты сняла с него этот, как его ... скальп?

– Нет, и за него я тоже замуж не пошла. Папенька объяснил ему, что наша вера не позволяет иметь двух жен. А у него была уже одна – Ласковая Козочка.

---

⁵ *Trapper* (англ.) – охотник на пушных зверей.

– Господи, козочки еще тут не хватало? – рассердилась тетка.

– Это скво Шаро-Ке-Те? – обиделась за бывшую подругу Саша. – Она очень милая и добрая женщина. И очень хотела, чтобы я поселилась в типи ее мужа. И даже пригласила его посмотреть на меня, когда мы на озере купались, – Саша с лукавой улыбкой взглянула на тетку. – И я ему так понравилась, что он даже подал мне одежду...

– Одежду?! – поперхнулась и на мгновение потеряла дар речи графиня. – Ты, что же, без одежды купалась?!

– А разве можно купаться в одежде? – больше тетки удивилась племянница.

Елизавета Михайловна растерянно покачала головой.

– Ну, знаешь, с тобой не соскучишься! Меня только одно интересует, есть ли голова на плечах у твоего дорогого папеньки? Мало того, что Ольге жизнь поломал, так и дочери постарался испортить! Разве подобает барышне твоего происхождения двадцать лет мотаться по свету, общаться с дурными людьми, терпеть лишения, потерять в конце концов мать – и все ради того, чтобы граф Волоцкий на склоне лет написал книгу, которую и читать никто не будет? Я-то уж этого никогда не сделаю!

Девушка обиженно закусила губу:

– Извините, тетя, но вы не правы! Книгу согласны издать не только в России, но и в Европе, и даже в Америке. Папу считают крупным ученым, совсем недавно его заметки о жизни африканских племен в окрестностях озера Виктория получили премию Королевского географического общества в Лондоне.

– Я, конечно, все понимаю. Не такая уж я дремучая дура, но пожертвовать жизнью жены и судьбой дочери... Только за это я непременно оторву твоему папаше голову!

Саша опустила глаза:

– Не нужно об этом, тетя! Папа очень любил маму и сам ее выхаживал, когда она заболела лихорадкой. И маменька его любила, она всегда мне говорила, что он лучший муж и отец на свете и, если бы ей привелось начать все сначала, она ни за кого другого не пошла бы. Вы не представляете, как папа переживал, когда она умерла. Целый месяц ни с кем не разговаривал. Придет к ее могилке, сядет рядом и молчит, лишь иногда принимается что-то шептать. Я вначале думала, он молится. Подошла как-то раз ближе, а он шепчет: «Олюшка, дорогая, прости меня, и за Сашеньку прости, и за то, что тебя не сберег!» ...А вы говорите, «голову ему оторвать»! Да если меня кто так полюбит, я не задумываясь пешком на край света за ним уйду!

Елизавета Михайловна всплеснула руками:

– Ну что мне с тобой делать? Нам теперь не о горячей любви следует думать, а о том, как замять все скандалы, что следуют после каждого твоего выхода в свет. Твои эскапады шокируют и отпугивают более-менее приличных женихов, а теперь ты добралась и до таких ничемных, как Кирдягин.

– Тетушка-лапушка! – Саша умоляюще посмотрела на графиню. – Меня уже тошнит от этих лоботрясов и разгильдяев! Только и слышишь от них «excusez» да «permettre»,⁶ а стоит немного зазеваться, так и норовят тебе юбку задрать или в декольте руку запустить: верно, думают там нечто новенькое найти!

– О боже! – Тетка в ужасе возвела очи горе. Юная племянница в очередной раз продемонстрировала познания взрослой жизни. И Елизавета Михайловна подозревала, что это лишь малая часть того, в чем девушка неплохо разбиралась. – Так ты никогда не выйдешь замуж! Мужчинам надо многое прощать, а иногда просто закрывать глаза на их шалости ради семьи, ради детей...

– Ну уж нет! Если я все-таки встречу человека, которого смогу полюбить, то делить его ни с кем не собираюсь, и проделки, тем более прогулки на сторону, терпеть не намерена!

---

⁶ *Excusez, permettre (франц.)* – извините, разрешите.

– Тогда тебе придется остаться старой девой! – Графиня Буйновская строго посмотрела на племянницу. – Если, конечно, жизнь не научит терпению и снисходительности к человеческим слабостям. – Она оглядела высокую, изящную фигурку девушки. Без сомнения, из всех невест нынешнего сезона Александра выделяется красотой и особой статью. И умом бог не обидел! Но характер! И в кого она уродилась такой дерзкой? Покойница Ольга была само благочестие и скромность. Правда, сбежала с юным графом Василием и тайно с ним обвенчалась. Но не с бродягой ведь, а с богатым, красивым мужчиной, единственным наследником своего отца. Потому и выются вокруг Александры многочисленные поклонники. Девчонка немилосердно от них отбивается, но количество претендентов не убывает, и многие кандидаты в супруги, несмотря на чинимые им обструкции и скандалы, не оставляют надежды заполучить ее в жены.

Но нашлись уже и более дальновидные и здравомыслящие, сообразившие, что богатство и необыкновенная красота будущей супруги гарантируют им до конца жизни не покой и благоденствие, а сплошное беспокойство и расстройство чувств.

Ушли в тень и благоразумно исчезли из столицы князь Уховертов и барон Шавырин, богатейший, хотя и в солидных годах, помещик Стародумов. Им и своего богатства не занимать, потому нет никакого резона встречать в сумятицу, которая охватила в этом сезоне Петербург. Елизавета Михайловна вздохнула. Каждый из этих кандидатов по всем статьям подходил Александре, но та язвительно, в присутствии самого господина Канкрин⁷, начальника над Уховертовым, высмеяла эспаньолку князя. И ходят слухи, что тот уехал в свое поместье, сбрил злосчастную бородку и подал рапорт об отставке. Барону же во всеуслышание посоветовала нарядиться на бал-маскарад гусак⁸ом, и отныне его иначе, как таковым, в свете и не называют. Графиня усмехнулась про себя. Несомненное сходство Шавырина со злой птицей, так досаждавшей ей в детстве, сослужило ему неважную службу, и теперь, по крайней мере на протяжении двух сезонов, пока не забудется прозвище, вряд ли кто из девиц согласится связать с ним свою судьбу, разве уж какая из самых последних дурнушек или непритязательных вдовушек?

А Стародумов? Стародумов-то! Графиня прикрыла лицо веером и сделала вид, что закашлялась. Старый пень настолько закружился с Александрой в вальсе, что с размаху сел на колени княгине Турениной. Этот случай, говорят, дошел до дворца, и государь соизволил даже улыбнуться, когда ему рассказали о том, как старуха от неожиданности весьма отчетливо издала неприличный звук и не менее отчетливо по-ямщицки выругалась.

После такого пассажа Елизавета Михайловна предпочла неделю не выезжать, сказавшись больной, пока разговоры об Александре немного утихли. Но сегодня бал давала ее старинная приятельница графиня Катина-Оболенская, притом это был один из самых больших и престижных балов, отказаться от приглашения не было никакой возможности, и вот опять это происшествие, теперь уже с проклятым Кирдягиным!..

Саша покрутилась около большого, вделанного в стену зеркала, поправила вырез бледно-голубого крепового платья, отделанного по низу изящными шелковыми букетиками незабудок и ландышей. Широкий пояс из более темного атласа и узкий лиф подчеркивали тонкую талию и высокую грудь. Искусная вышивка с изображением все тех же незабудок и ландышей украшала пышные рукава фонариком и шла по самому краю низкого выреза. Из всех украшений девушка выбрала нитку жемчуга, который светился и казался горячим на фоне ее смугловатой кожи.

Елизавета Михайловна коротко вздохнула. Покойная сестра тоже любила жемчуг и передала свою любовь дочери. Но, похоже, более ничего от матери Александре не досталось. Темно-синие глаза с длинными пушистыми ресницами, черные, как вороново крыло, волосы, прямой, изящный нос и тонко очерченные брови – это у нее от отца. Да и губы – полные, яркие, будто

---

⁷ Канкрин Е. Ф. (1774–1845) – российский министр финансов с 1823 по 1844 г.

мазок кисти на полотне художника или едва распустившийся бутон... Не зря вместо целования ручек кавалеров то и дело заносит не в ту сторону, отчего так и сыплется пудра с их щек и носов от увесистой ладошки графини Сашеньки Волоцкой.

– Тетушка, – племянница присела рядом на кушетку. – Я хочу с вами поговорить.

– О чем же, милая? – Графиня ласково посмотрела на девушку, а та решительно тряхнула головой, отчего тщательно уложенные на висках локоны взлетели и улеглись теперь уже в беспорядке по обе стороны высокого, чистого лба.

– Я хочу вернуться домой. Сегодня утром принесли письмо от папеньки. Он, конечно, не жалуется, но по всему видно, что он не в состоянии заниматься имением и писать книгу. К тому же у меня есть подозрение, что управляющий безбожно нас обманывает, а после возвращения я так и не успела ознакомиться с состоянием дел.

– Давай оставим эти разговоры на завтра. Сегодня у тебя все танцы ангажированы, а ты тут отсиживаешься в компании престарелой тетки.

– Хотелось бы и мне в сорок лет выглядеть такой престарелой! – засмеялась Александра, подтолкнув Елизавету Михайловну к выходу. – Сообщите скорее, что у меня внезапно случилась смертельная болезнь и мы незамедлительно должны уехать!

– Ох, не попаду я с тобой в рай, Сашка! – Графиня покачала головой. – Мазурку хотя бы станцуй с Алтуфьевым. В прошлый раз кадрили ему отказала, так матушка его весь вечер мне выговаривала!

– Ладно, с Алтуфьевым так и быть станцюю, но учтите, меня и впрямь тошнит от его занудства и глупых комплиментов.

Тетка и племянница вышли из небольшой гостиной, которую хозяйка предоставила гостям на время бала. Тотчас разноцветная атласно-кружевная и шелково-тюлевая толпа барышень и дам, ожидающих приглашения кавалеров на танец, окружила их, и графиня уловила несколько быстрых, завистливых взглядов в сторону Саши. Ее племянница еще ни одного танца не простояла в напрасном ожидании. К ним подскочил красавец Алтуфьев, сын важного чиновника из Министерства иностранных дел, и, согнув руку калачиком, предложил ее Александре. Девушка подтянула высокие, до локтя, шелковые перчатки в тон платью, передала тетке веер, слегка подмигнула ей и легко задвигалась по блестящему паркету в ритме своего любимого танца.

Через час графини Буйновская и Волоцкая, закутавшись в бархатные, подбитые соболем накидки, дожидались в просторном вестибюле, когда им подадут экипаж.

Внезапно распахнулись створки огромных, покрытых резьбой и инкрустацией дверей. Лакеи с золотыми кокардами и в ливреях с галунами согнулись в поклоне. Дворецкий, худощавый, в черном фраке, с напояженными реденькими волосами человек, поспешил навстречу высокому господину в темной шубе и цилиндре, слегка припорошенных снежком. Вновь прибывший небрежно кивнул улыбающемуся в накрахмаленный галстук дворецкому, самолично принявшему у него одежду, и подошел к овальному, с вычурной отделкой зеркалу. Длинноватые, ржаного цвета волосы от легкого поворота головы улеглись в некотором беспорядке и вовсе не по моде. Но мужчине, казалось, это совсем не взволновало, и он отошел от зеркала все с тем же выражением безмерной скуки на лице.

Тут он заметил две женские фигурки. Слегка прищурившись в полумраке вестибюля, высокий господин вежливо поклонился, обвел незнакомых дам равнодушным взглядом и медленно, чуть прихрамывая, стал подниматься по широкой мраморной лестнице, устланной ярким турецким ковром. Навстречу ему спешили радостные хозяева. Гость склонился к ручке графини Ксении, как всегда почти выпадающей из своего платья, сказал что-то учтивое глуховатому, а потому вечно унылому графу Константину и исчез вместе с ними в бальной зале.

– Так вот о каком сюрпризе болтала сегодня графиня! – Елизавета Михайловна разочарованно вздохнула. – Кажется, Сашка, мы с тобой крупно прогадали! Ты-то успела его разглядеть?

– Кого, тетечка? – Девушка невинно захлопала глазами.

– Кого-кого! – недовольно проворчала Буйновская. – Князя Кирилла Адашева, вот кого!

– Можно подумать, в этой темноте что-то различишь! – Девушка непонятно почему слегка слукавила. Она моментально отметила и высокий рост, и особенную статью незнакомого князя, и даже медальный профиль не остался без внимания. Одного взгляда ей хватило, чтобы понять – мужчина, так бессовестно их проигнорировавший, знает себе цену и в его обычае повелевать, а не подчиняться. Возможно, из-за легкой хромоты он поднимался по лестнице не той прыгающей развязной походкой, что нынче в моде у светских хлыщей, а ступал твердо и уверенно; так ходит человек, привыкший отвечать за каждый свой шаг на земле. Саша, конечно, не успела рассмотреть во всех подробностях ни лица князя Кирилла, ни его одежды, но заметила искусно, по последней английской моде, завязанный белоснежный шейный платок. Выходит, он не чурается модной и красивой одежды, избегает лишь ярких, кричащих тонов.

– Саша, ты что застыла, как изваяние! Зову, зову, не откликаешься! Поспеш, голубушка, экипаж подали!

Александра подобрала пышные юбки и прошла вслед за теткой, отметив, что ей, кажется, расхотелось уезжать и, будь тетушка чуть-чуть догадливее и любопытнее, возможно, графиня Волоцкая и передумала бы покидать бал. Но Елизавета Михайловна мысли читать не умела и потому слишком быстро нырнула в экипаж.

Александра зябко поежилась. Ледяной ветер мгновенно пробрался под накидку, бросил в лицо снежной крупой, пытался сорвать с головы капор, и девушка последовала примеру тетки, погрузившись в спасительное тепло кареты. Женщины, накрывшись пледом из лисьих спинок и спрятав руки в муфты, прижались друг к другу, и вскоре старшая даже умудрилась задремать, пока лошади резво несли их навстречу разгулявшейся поземке.

Саша всю дорогу просидела необычно тихо, с закрытыми глазами. Тетка сладко посапывала у нее под боком. Карету на поворотах то и дело заносило. Елизавета Михайловна вздрагивала, садилась ровнее, вглядывалась в оконце, затянутое морозным кружевом, и вновь, привалившись к племяннице, начинала дремать. Ей и невдомек было, что сердце ее подопечной бьется непривычно быстро и тревожно.

Впервые в жизни девушка пережила душевное потрясение от встречи с мужчиной. Он прошел мимо и исчез, как призрачное видение, за широкими белыми дверями, не соизволив остановиться и раскланяться. Будь она на месте тети, не преминула бы оскорбиться явной неучтивостью князя, но та, к удивлению Александры, восприняла сие событие как должное и, похоже, сразу о нем забыла. Саша сердито закусила губу, вспомнив, с каким, как ей показалось, пренебрежением князь посмотрел на нее. Она свыклась с восторженными искорками в глазах мужчин, и этот взгляд подействовал на нее будто холодный дождь посреди ясного, солнечного дня.

Александра не понимала, что ее интерес вызван именно таким поведением князя, будь все иначе, он, вероятно, пополнил бы ряды неудачников, о которых графиня Волоцкая забывала в следующую минуту после знакомства. А этот гордец даже представиться не соизволил и потому продолжал занимать ее мысли и будоражить сердце.

За месяц пребывания в Петербурге Саша уже приобрела некоторый опыт и научилась ловко осаживать высокомерных наглецов и чванливых, как цесарки, франтов. Ее весьма ехидные замечания, которыми она их наказывала за чрезмерные спесь и гордыню, с удовольствием передавались из уст в уста любителями подобной словесности. И несчастные жертвы ее колючего языка долгое время ощущали себя вроде пробитых пулями мишеней на стрельбище Пре-

ображенного полка и в дальнейшем старались держаться от нее на расстоянии пушечного выстрела.

Девушка, вытащив из муфты руку, провела по глазам, словно паутину стряхивая наваждение, которое было совсем некстати. Ей захотелось быстрее от него избавиться. Через несколько дней она вернется в имение, и все огорчения, обиды, докучливые кирдягины и навязчивые алтуфьевы останутся в прошлом, забудутся, как забывается все мелкое и ничтожное.

А что касается князя, тетка, наверное, за завтраком выложит всю его подноготную, и от романтических домыслов ничего в помине не останется! И окажется этот несносный невежа точно таким же фатом и любителем богатых невест, как и все остальные соискатели ее приданого. Даже его холодность – сплошное притворство и преследует одну-единственную цель: набить себе приличную цену.

И, уверив себя в заурядности князя Кирилла, Саша прижалась к тетке и задремала.

3

Князь Кирилл Адашев откинулся на спинку широкого, обтянутого темно-синим бархатом кресла, устроился поудобнее и вытянул раненую ногу к огню. Он любил эти вечерние часы, когда затихает большой дом, с улицы не слышны крики извозчиков, а за дверями прекращается перепалка горничных и лакеев, когда отступают на время заботы и хочется думать, как в юности, о чем-то светлом и безмятежном...

Огонь в камине то затевал веселую плясовую по березовым чуркам, вспыхивая пером жар-птицы, то затихал, как кроткая голубица, и лишь изредка трещал да постреливал угольками.

Камин появился совсем недавно вместо старинной голландской печи в чудесных голубых изразцах, о теплые бока которой грелось не одно поколение Адашевых. Но камин не был простой данью английской моде. Более всего на свете князь любил посидеть у открытого огня, почувствовать его живительное тепло. Эта страсть осталась у него с детства, когда вместе с деревенскими мальчишками отправлялся в ночное, делил с ними кусок ржаного хлеба с луком и солью. Тогда ночная темнота уравнивала всех в правах, и звездное небо принадлежало всем, и речка, и заливные луга, и злющие комары, и костер тоже был один на всех... Во время долгих морских переходов, отстаивая бесконечные штормовые вахты, он часто вспоминал то благословенное время. И более всего ему не хватало этого жаркого, слегка чадающего пламени, подмигивающего синими огнями и согревающего душу и тело.

Вздыхнув, князь разворошил кочергой угли. Осталась в прошлом его морская служба, приходится привыкать к жизни сухопутного помещика. И пора уже расстаться с флотскими привычками, заняться имением, найти себе наконец жену, сыновьям – хорошую мать и зажить подобно большинству верноподданных Его Императорского Величества, не утруждая себя государственными заботами и мировыми проблемами.

Подобные мысли все чаще и чаще стали посещать молодого князя, особенно в последнее время, когда его проекты переустройства русского флота встречались в штыки чиновниками из Адмиралтейств-совета и даже в военном ведомстве с некоторых пор на него стали смотреть косо и недоброжелательно.

Адашев встал и прошелся по кабинету. Как ни пытался он себя успокоить, но сегодняшняя встреча с морским министром Моллером основательно выбила его из колеи... Российский флот много лет находился в заброшенном состоянии. Корабли долго держали в гаванях, они ветшали и гнили, а новые суда строили в постыдно малом количестве, да еще из сырого леса. Никому не было дела, что срок их службы исчислялся пятью-шестью годами. Шведы не дураки, покупают в России добротный лес, который и самим бы ох как пригодился! Сушат его, выдерживают по всем правилам, потому и бороздят их корабли моря и океаны по двадцать и более лет.

Сейчас, при Николае Павловиче, ситуация несколько изменилась. Уже в Наваринском сражении 1827 года русские корабли сыграли решающую роль в разгроме турецко-египетского флота объединенной русско-англо-французской эскадрой.

На днях героя Наваринской битвы Михаила Петровича Лазарева назначили главным командиром Черноморского флота. Адашев видел его в бою, когда тот был еще в чине капитана первого ранга и командовал линейным кораблем «Азов». По общему признанию, корабль Лазарева был самым доблестным в сражении. Именно он уничтожил египетский флагман Мухта-рем-бея и турецкий флагман Тахир-паши. За беспримерную отвагу и героизм «Азову» впервые на русском флоте был вручен Георгиевский кормовой флаг, а бесстрашный командир получил звание контр-адмирала и четыре ордена сразу: русский, английский, французский и греческий.

Но знакомство их началось гораздо раньше, в 1819 году. Морское ведомство запланировало тогда экспедицию в высокие широты Южного полушария. И князю, молоденькому мичману, выпускнику Кронштадтского кадетского корпуса (его же закончил Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, командир шлюпа «Восток», принимавшего участие в этой сложнейшей экспедиции), удалось попасть в подчинение к лейтенанту Лазареву, командовавшему вторым шлюпом – «Мирный».

«Госпожа удача» сопровождала русских моряков. И 28 января 1820 года Беллинсгаузен записал в своем дневнике: «Продолжая путь на юг, в полдень в широте 69 градусов 21 минута 28 секунд, долготы 2 градуса 14 минут 50 секунд мы встретили льды, которые представились нам сквозь шедший снег в виде белых облаков».

Корабль Лазарева «Мирный» находился в условиях лучшей видимости, и Адашев навсегда запомнил ощущение необыкновенного счастья и восторга, охвативших его при виде прямо по курсу огромных пространств матерого льда. Насколько хватало зрения, перед ними были льды, льды и только льды...

Огромные глыбы то и дело срывались с высоченных ледяных обрывов, с ужасающим грохотом рушились в воду, вызывая огромные волны, от которых приходили в движение и змеились трещинами ослепительно белые, сверкающие тысячами тысяч бриллиантов поля материкового припая...

На льдинах виднелись стайки диких птиц – пингвинов и спящие тюлени...

А над поверхностью океана сновало множество птиц, видно, рыбы тут тоже было в избытке. Кроме пестрых капских голубей и серебристо-серых буревестников, вскоре появились стремительные и очень красивые в полете птицы с черным клювом и лапками – снежные буревестники...

Князь посмотрел на чучело птицы, напомнившей ему прошлое, потом на большую карту, которая занимала всю стену позади массивного письменного стола. Красным пунктиром отмечен на ней тот далекий, незабываемый маршрут.

Долго еще после возвращения на родину снились Кириллу Адашеву светящиеся аметистами и изумрудами вечные льды и горизонты Южного материка, окрашенные розовыми, голубыми и золотыми тонами пастелей.

На корабле ему тоже снились сны: зеленые травы и пасущиеся на них кони, венки из березовых веток с молодыми, клейкими еще листочками на головах деревенских девушек. Потом Адашев догадался, что они напрямую были связаны с недостатком зеленого цвета и снились всем его товарищам по плаванию.

Князь подошел к столу, покрытому толстым синим сукном, заваленному рулонами навигационных карт, чертежами, торопливо набросанными заметками. На специальной подставке перед ним стоял макет первого российского стимбота⁸ «Елизавета». Взяв его в руки, он задумчиво осмотрел и вернул на прежнее место. По его сведениям, воды российских рек бороздят не менее тридцати-сорока пароходов. На товарно-пассажирской линии Одесса – Ялта уже четвертый год исправно совершает рейсы паровое судно «Одесса», но военный флот по-прежнему остается парусным. Англия, Франция и Турция всюю готовятся к войне, и в ней не будет места парусным кораблям. Их место должны занять не зависящие от капризов погоды, более маневренные и прочные паровые суда...

В нынешней политической ситуации это не должно вызывать никакого сомнения, но твердолобые чиновники из Морского министерства не в состоянии понять или попросту не хотят, не желают знать, что прошли спокойные времена, а посты и награды достаются теперь не за выслугу лет и чинопочитание, но за истинное служение Отечеству под пулями и разрывными снарядами, при ураганном ветре и в ледяном холоде.

---

⁸ От английского steamboat – пароход.

В окно ударил очередной снежный заряд. Любимый пес князя Алтай, большой охотник понежиться у камина, поднял голову и некоторое время с недоумением смотрел на хозяина, не понимая своим собачьим умом, и что ему все неймется, и чем он так постоянно озабочен? Но ласковое тепло сделало свое дело, и пес, вновь уронив голову на лапы, задремал, изредка поскуливая во сне и помахивая хвостом.

В дверь тихо постучали, почти поскреблись, и Адашев, улыбнувшись, распахнул ее. На пороге стояла старая нянька Агафья и виновато глядела на него:

– Прости меня, старуху, голубчик! Вижу, свет из-под дверей пробивается, дай, думаю, загляну! На кухне сегодня ватрушки пекли, а ты к ужину не спустился, я и забеспокоилась. Чай не заболел, Кирюша?

– Нет, нянюшка, просто есть не хотелось. Поздно отобедал с друзьями, вот и решил ужин пропустить.

Нянька недовольно поджала губы:

– Совсем ты себя не бережешь! Что я княгине скажу, когда она из-за границы вернется? Матушка твоя мне строго-настрого наказывала, чтобы ты вовремя обедал и ужинал и заботами себя не слишком утруждал, пока не выздоровеешь!

Князь, обняв старушку за плечи, провел в глубь кабинета и усадил в кресло, в котором только что сидел у огня:

– Погрей немного косточки, а я пока кое-что почитаю.

– Хочешь, я тебе чайку принесу с малиной и ватрушечек тоже на всякий случай оставила.

Кирилл поцеловал ее в щеку:

– Что бы я без тебя делал, Агафьюшка? Никто так обо мне не хлопочет и не заботится, как ты, милая!

– И-и-и, голубчик! – Поднявшись с кресла, нянька направилась к двери, но остановилась на пороге. – Жениться тебе надо поскорее! У меня и силы уже не те, да и за детьми присмотр нужен материнский, а то эта ханцужка опять жаловалась на робят. Учиться не хотят, задания не выполняют, озоруют – страсть! Вчера ей пирожное на стул подложили, юбку попортили, а давеча чернил в кофий налили. . . Я ругаться стала, так Андрюша меня ведьмой обозвал, а Илья вообще велел на глаза не показываться. – Тут нянька углядела искру ярости в глазах князя и испуганно зачастила: – Прости меня, дуру старую! Болтаю незнамо чего!

– Немедленно прекрати защищать этих негодников! – Адашев в сердцах стукнул кулаком по столу. – Совсем распоясались, мерзавцы! Мало того, что изнеженными лентяями растут, науками совсем не интересуются, так еще и пакости всякие измышляют! Скажи Федосу, чтобы завтра поднял их не позже восьми часов и до завтрака пускай помогут дворнику расчистить двор от снега, а потом обоих ко мне в кабинет на разговор. Мадемуазель Веронике тоже передай, что я жду ее после десяти.

– Ой, батюшки! Что же ты такое надумал, Кирюша?! Виданное ли дело, чтобы барчуки лопатами скребли да метлами махали?

– Вот пусть и машут, коли барчуки! По крайней мере аппетит нагуляют и в еде копать не будут! Насмотрелся я уже на эти представления, когда они от всего нос воротят: это им не так, то не этак! Пока снег не сойдет, каждый день будут двор чистить. Завтра же переговорю с Авдеем, чтобы на конюшне им работу подыскал, а то растолстели, разжирели, как купцы татарские! Ты ведь помнишь, я в их возрасте и в ночное, и на рыбалку, и на охоту с отцом выпрошусь, а эти. . . – Князь махнул рукой и огорченно поморщился. – Тяжеловато им придется, когда на флот пойдут служить, а все потому, что сызмальства к пуховым перинам да к сладкой еде приучены.

Агафья, несколько раз мелко перекрестившись, склонила голову:

– Конечно, Кирюша, ты можешь осерчать на меня, старую, но я одно скажу. Детки-то твои мужской руки и не ведали. Княгинюшка, Анна Денисовна, болела долго, не до детей ей

было. Батюшка да матушка почитай все время по заграницам живут. Вот и выросли робята, как та полынь-трава: сами себе хозяева, что хотят, то и творят! Каюсь, батюшка, баловала я их – детки все-таки, им и ласка требуется, и жалость какая-никакая...

– Вот за эту жалость и оскорбляют они тебя, наверное! Но я с этим быстро разберусь и, клянусь, оба получат от меня по заслугам! Завтра же лично займусь их учебой и воспитанием. Найду наконец хорошую гувернантку из русских, а француженку уволю. Толку от нее никакого, охрану нанимать ей не собираюсь. Что же это за учительница такая, если не в состоянии за себя постоять? Пусть ищет себе другое место.

Нянька покачала осуждающе головой:

– Больно сердит ты, голубчик! Они ж еще дети малые, да и францужку жалко. Где она посередь зимы место сыщет?

Князь вновь обнял старушку и улыбнулся:

– Всех бы ты жалела да голубила, но одной жалостью да любовью из мальчишек настоящих мужчин не вырастишь, тем более моряков! На их веку еще много войн предстоит, да пострашнее тех, в коих мне пришлось воевать. Так что не к легкой, а тяжелой, полной лишения жизни их надо готовить, а не баловать безмерно. Насчет мадемуазель пока не беспокойся. Сразу на улицу никто ее выгонять не собирается. Рекомендации я дам хорошие, возможно, где-то ее сюсюканье будет в самый раз. Утром велю секретарю все бумаги подготовить, а пока места не найдет, пусть живет в своей комнате.

– Ну, смотри, Кирюша, тебе, должно быть, виднее, – вздохнув, нянька вышла за дверь и только тогда пожала плечами. – Можно подумать, что русские гуверненки лучше францужских...

Сев за стол, Адашев взял из ящичка вест-индскую сигару, аккуратно ее обрезал и закурил. Густая струйка горьковатого дыма устремилась к потолку, но потом изменила направление и потянулась к камину. Князь задумчиво проследил за дымовыми маневрами и откинулся на высокую резную спинку старинного кресла, в котором в далекие времена любил сживать его пращур, верный сподвижник Петра Алексеевича, участник всех его славных кампаний, лихой моряк и покоритель женских сердец Михаил Адашев. Если бы не Петр, спровадивший княжеского сына Мишку на учебу в Англию, не видать бы его потомкам моря. Из деревенского увальня получился отменный скиппер⁹ и отважный мореплаватель, отлично усвоивший сложную науку строительства кораблей по чертежам и в этом деле обставивший даже самого Петра!

С того времени все мужчины рода Адашевых становились моряками. И моряками превосходными!

Молодой князь Кирилл получил в наследство от предков не только горячую любовь к морю, но и беспримерную отвагу, гордость за прошлые и настоящие победы, и отчаянную надежду на возрождение былой славы Российского флота. К великому горю и сожалению его, морская служба закончилась слишком рано после тяжелого ранения, полученного три года назад во время боя его 48-пушечного корабля «Святой Марк» с двумя турецкими линейными кораблями, имевшими на борту в общей сложности 180 орудий.

Противник обнаружил русский корабль у берегов Босфора, где тот проводил разведку. Турки довольно быстро догнали «Святой Марк» и предложили капитану третьего ранга Адашеву спустить флаг. Тот созвал совещание в кают-компании, на котором, по обычаю, первое слово дали самому младшему офицеру – подпоручику корпуса флотских штурманов Алеше Попову. Совсем еще юный моряк предложил драться до последнего, а затем сцепиться с флагманским кораблем турок и взорваться вместе с ним. Матросы все до единого поддержали решение офицерского совета. Князь, в роду которого никогда еще не спускали флаг перед

---

⁹ От английского skipper – шкипер.

неприятелем, сам зарядил пистолет и положил его у люка крюйт-камеры, где хранился порох. Оставшийся в живых должен в критический момент исполнить принятое всеми решение.

Но пистолет не понадобился. «Святой Марк» сражался так яростно, так умело подставлял туркам корму, что вражеские корабли вскоре прекратили погоню. На флагманском корабле неприятеля была разбита адмиральская каюта, поврежден рангоут и такелаж. Второй потерял крепление грот-мачты и почти все паруса фок-мачты. Конечно, русский корабль был изранен еще больше: около тридцати пробоин в корпусе и более двухсот повреждений в такелаже. Но, к великой гордости командира и экипажа, они вышли из труднейшего боя победителями и привели корабль к родным берегам. За этот подвиг «Святой Марк» был награжден Георгиевским кормовым флагом, а князь в возрасте тридцати трех лет получил сразу звание капитана первого ранга и орден Святого Георгия Победоносца четвертой степени, а в конце 1829 года еще и медаль «За турецкую войну», которой гордился и дорожил ею не меньше.

Но этот бой был последним для князя Адашева. Тяжелые ранения заставили его уйти в преждевременную отставку. И один из самых геройских и перспективных офицеров российского флота, по выражению Михаила Петровича Лазарева, вынужден теперь воевать с чинушами-бюрократами, не желавшими видеть пользу в его предложениях. Эти битвы отнимали не меньше сил и здоровья, но ощутимых изменений в жизни флота в лучшую сторону не вызывали.

Попытавшись вытянуть раненую ногу под столом, князь слегка поморщился. Рана затянулась, нога, если не считать легкой хромоты, приобрела былую подвижность, но стала реагировать на погоду. Однако Кирилл не привык поддаваться хворям и по своему опыту знал, что все болезни быстрее проходят и забываются в делах, поэтому и не щадил себя, работая с утра до позднего вечера. И первой его заботой был и оставался тщательно разработанный на протяжении последнего года проект перехода Российского флота от парусников к паровым фрегатам. Чиновники в Министерстве морских сил и в Адмиралтейств-совете принимали доводы Адашева в штыки, даже многие из его бывших однокашников и соратников резко осудили этот проект, а некоторые вовсе отказались ознакомиться с ним.

Противники Адашева сходились в одном: очень уж хорошей мишенью были водяные колеса парохода. Судно можно остановить одним метким выстрелом. Колеса отнимут у пушек лучшую часть палубы и оставят для них лишь нос да корму. Малая мощность паровой машины, необходимость держать на судне запас угля – все это казалось им роковыми изъянами. Но пароход не зависел от ветра, и это качество вдохновляло князя на борьбу за свой проект.

После существенных поправок и дополнений князь на днях представил его синопсис в военно-морской штаб на рассмотрение адмиралу Лазареву с надеждой, что тот в скором времени предложит его на доклад государю.

В последнем варианте проекта князь предложил поставить пушки на рельсы или даже на вращающуюся площадку, что должно повысить эффективность стрельбы. Для экономии угля можно установить на кораблях паруса и тем самым заткнуть рот всем противникам его доводов – приверженцам быстроходных красавцев в белом облаке парусов...

В дверь постучали, и в кабинет опять вошла нянька Агафья в сопровождении лакея, которого она заставила принести чай, варенье и любимые ватрушки Кирилла. Князь сдвинул бумаги в сторону, и Прохор поставил поднос на стол.

– Может, еще что подать? – спросила нянька.

– Спасибо, голубушка, – ответил ей князь. – Ты ведь знаешь, на ночь я много не ем.

– Ваша светлость, как только покушаете, вызывайте меня. Я быстренько все здесь приберу, чтобы ничего не мешало, – опустил в поклоне голову лакей.

– Иди-ка ты, друг ситный, спать, – устало остановил его Адашев. – Я еще поработаю немного, а насчет посуды завтра распорядишься.

– Премного благодарны-с! – склонился еще ниже Прохор. Как и все в доме, он до сих пор не привык к чудачествам молодого князя. Надо же, услуг камердинера не принимает, одевается сам и сыновей к этому приучает, не гнушается порядок в кабинете навести, да и от ужина, не в пример старому князю, частенько отказывается. Завтракает не по русскому обычаю – кашей овсяной да яйцами вареными, рукоприкладством не занимается. И даже плетку, которой его батюшка по заведенному порядку собственной рукой сек по субботам провинившихся членов «экипажа» (так он называл домашних слуг), из кабинета убрал и до сей поры ни разу не воспользовался.

Однако слуги все-таки побаивались князя. Более всего на свете молодой Адашев не любил ложь, лень и воровство и был с провинившимися весьма строг и безжалостен. Двоих конюхов, попавшихся на краже овса, сослал в самую глухую из своих деревень и велел ходить за свиньями.

Агафья, захватив по давней своей привычке вязание, села в кресло у камина, и вскоре Кирилл услышал, как старушка засвистела потихоньку носом. Под этот свист и еле слышное бормотание старой няньки он опять разложил на столе бумаги и принялся сосредоточенно вчитываться в них.

4

Миновал второй месяц пребывания Саши Волоцкой в Петербурге. Поддавшись на уговоры Елизаветы Михайловны, она решила остаться еще на пару недель. В середине марта ожидался самый грандиозный бал сезона, который давала княгиня Дуванова, слывшая в свете большой выдумщицей и оригиналкой. Вот и на этот раз всем дамам заранее предложили нарядиться в восточные тюрбаны, а на плечи накинуть яркие персидские платки или шали. Мужчин тоже попросили опоясаться пестрыми шелковыми шарфами.

Александра задумчиво перебирала пальцами веер, очередной подарок тетушки. Та приглядела его у своей портнихи, мадам Шардоне, и незамедлительно купила модную, красивую вещьцу для племянницы. Веер был составлен из белых страусовых перьев и как нельзя кстати подходил к новому бальному платью девушки – произведению мадам Шардоне и ее мастериц, сотворивших белоснежное чудо из шелка и тюля всего за три дня и две ночи.

Впервые в жизни Саша с большим нетерпением считала дни до бала. По слухам, князь Адашев тоже получил приглашение от княгини Дувановой, но ответ с изъяснением благодарности отнюдь не обещал его присутствия.

Очевидное небрежение князя светской жизнью с еще большей силой всколыхнуло живейший к нему интерес. Накануне бала у многих дам и барышень разного возраста, происхождения и состояния тревожно забились сердца, а наряды и драгоценности подбирались на этот раз с особым тщанием. Красавец князь оставался по-прежнему недостижим для женских чар, как и год назад, когда, поправившись после тяжелого ранения, он вновь появился на столичном небосклоне. Разволновались и некоторые distinguished мамыши из знаменитых петербургских семейств. Говорили, что князь надумал жениться, что вызывало некоторое сомнение, ибо он не походил на человека, решившего покончить с жизнью вдовца: от приглашений в дома вероятных невест отказывался, балы игнорировал. Сообщение о якобы ожидаемом приезде Кирилла Адашева на бал княгини Дувановой вызвало ажиотаж и в кругу прехорошеньких вдовушек, тайно мечтавших о подобном подарке судьбы. Некоторые наиболее предприимчивые молодые люди, перенявшие английскую моду заключать пари по поводу и без повода, склонялись к мысли, что наиболее вероятной претенденткой на благосклонность князя может оказаться вдова барона Дизендорфа – двадцатипятилетняя красавица Полина.

Саша к подобным разговорам не прислушивалась, ибо частенько сама становилась героиней досужих домыслов. Однако уловить шепоток за своей спиной на сей раз ей все-таки следовало, чтобы понять – она не единственная, кто украдкой поглядывает на входную дверь и ждет появления высокого, слегка прихрамывающего мужчины с чеканным профилем. Даже под угрозой лютой смерти девушка вряд ли призналась бы, с каким нетерпением, переходящим в легкую панику, всматривается она в ярко разодетых гостей, появляющихся на пороге бальной залы, и в каком неистовом темпе устремляется по жилам кровь, стоит ей заметить мужчину, похожего на Кирилла Адашева.

Тетка тем не менее отметила не свойственную племяннице задумчивость и выражение покорности, с которыми та принимала знаки внимания от молодых светских балбесов и кавалеров посolidнее. Пару раз графине удалось поймать ее быстрый взгляд в направлении дверей. Похоже, Саша кого-то ждала. Елизавета Михайловна терялась в догадках, но спросить об этом девушку напрямик не решалась. Слава богу, что племянница немного образумилась и не отказывает желающим потанцевать с нею.

Саша не подозревала, что за мысли бродят в хорошенькой головке графини Буйновской. А вот в ее *собственной* голове все до единой посвящались князю Адашеву. Девушка представляла, как он появится на пороге бальной залы, пройдет к ручке княгини Дувановой и тут уж заметит ее, просто не сможет не заметить! «Кто эта очаровательная девушка?» – тихо спросит

он у княгини, и та ответит: «Ах, это Сашенька Волоцкая, племянница моей близкой подруги Елизаветы Буйновской. Позвольте вас представить, князь!» Он тихо коснется ее руки губами, потом поднимет глаза... О том, что произойдет дальше, Александра боялась думать. Только от видения, как он целует ей руку, сердце почти выскакивало из груди, а щеки охватывало таким жарким румянцем, что приходилось прятаться за новым веером, а когда и это не помогало, Саша принималась яростно им обмахиваться.

Только что главный церемониймейстер бала Луконин объявил небольшой перерыв в танцах, и основная масса приглашенных устремила в соседний зал к столам, уставленным фруктовой водой и восточными сладостями. Александра, оставшись в бальной зале, слегка прислонилась к пальме, росшей в высокой деревянной кадке.

Собрать так много пальм и украсить ими зал было прихотью княгини, и хотя он приобрел экзотический вид, но князю Дуванову стоил недешево. Престарелый хозяин бала, всячески потакавший прихотям молодой жены, не поскупился на расходы и уже по своей инициативе закупил диковинных тропических птиц. И теперь они в развешанных под пальмами клетках веселили взоры гостей, но отнюдь не слух: вопреки обещаниям торговца заморской живностью петь они напрочь отказывались и лишь щелкали клювами, верещали, кричали во все горло хриплыми, словно простуженными, голосами.

Одна из птиц, самая крупная и красивая, по счастью, еще до бала вдруг принялась что-то выкрикивать по-английски; прислушавшись, старый морской волк адмирал Дуванов разобрал набор крепких матросских ругательств, которыми пернатое отродье исправно сотрясало воздух. Хулиганистого иностранца отправили на вечное поселение в зимний сад, а оставшиеся чужеземцы были самолично проверены князем, и только после этого им позволили упражняться в переключке и тщетных попытках переорать оркестр.

Девушка незаметно для тетки вздохнула. Бал вот-вот минует свою середину, а князь, видно, так и не приедет. Саша с досадой закусил нижнюю губу. Ну и черт с ним! Не сошелся на этом неуловимом гордеце свет клином! Сегодня ее последний бал, и ничего страшного не случится, если они не познакомятся, а дома и следа не останется от ее пустых мечтаний.

Александра медленно обвела взглядом постепенно заполняющийся зал. Что ни говори, а фантазия у Дувановой действительно богатая! Экраны, украсившие стены длинной залы, изображали сцены из китайской и индийской жизни. Огнедышащие, с кровожадно распахнутыми пастьми драконы стремительно пролетали над причудливыми храмами и дворцами. Восточные красавицы с бесподобно раскосыми глазами держали в изящных ручках нежно-розовые лотосы. А их возлюбленные со свирепыми физиономиями азиатских тигров, с тугими черными косичками на затылке сжимали в руках широкие короткие мечи, готовые отразить любое нападение.

Напротив Саши возвышался самый большой и яркий экран, расписанный рукой несомненно талантливого мастера. На нем преобладали сказочной красоты растения, в зарослях которых томные, волоокие чаровницы в сари млели в объятиях пылких юных индусов со смуглыми мускулистыми торсами. Художник искусно и с большим знанием дела изобразил полупрозрачные одежды, жемчужные ожерелья и золотые браслеты, оттеняющие смуглую кожу влюбленных.

Бамбуковые кресла, стоявшие вдоль стен, тоже влетели князю Дуванову в копеечку, а кроме того еще и драпировки на стенах, широкие полосы ткани, натянутые по диагоналям оштукатуренного потолка, – все из прекрасного, почти невесомого китайского шелка. Эффект превысил самые смелые ожидания, получился поистине фантастический фейерверк красок – ярких, сочных, будоражащих воображение и чувства!

Итак, зрелище было восхитительным! Бал – великолепным! Даже ярые завистники княгини вынуждены были признать, что ничего подобного в своей жизни не видели.

Сашу незаметнохватило и очаровало веселье, царившее вокруг. В свете пяти люстр и множества бра, под звуки изящного вальса кружились пары, и вскоре желтые, синие, розовые и зеленые костюмы слились в ее глазах в ослепительную и радостную радугу восточного праздника.

Сердце девушки замерло в предчувствии чего-то необыкновенного. Атмосфера всеобщего веселья и неподдельной радости так ясно напомнила ей далекое детство, когда жива была матушка, молод отец и они втроем наблюдали еще более яркий, еще более безумный в проявлении восторга карнавал в Рио-де-Жанейро.

Саша закрыла глаза и на мгновение представила вместо шума людских голосов гул океанского прибоя. И она вновь стоит на палубе корабля, несущегося через просторы Атлантического океана к берегам неведомой ей России. Парусник взлетает на волнах, ее руки крепко вцепились в поручни, а лицо поднято навстречу ветру; вдали виднеются берега, и ветер доносит пряные ароматы тропических цветов и растений, горьковатый запах костров туземцев.

Александрепоказалось, что она слышит прощальный бой барабанов, гортанные выкрики танцоров и нежное, мелодичное женское пение. Нет, никогда более не удастся ей увидеть людей с темной кожей, не ощутить свежести муссонных дождей, не услышать крики диких животных и птиц, доносящиеся из мрачной темноты сельвы. Навсегда исчезли из ее жизни индейские друзья. И одноухий Уэдди тоже испарился навсегда. Остался единственный на свете мужчина, кого она, втайне от всех, хотела видеть, от одного предчувствия встречи с которым кружилась голова и постоянно штормил пульс.

Поток печальных девичьих мыслей был прерван появлением с полдюжины весьма элегантных мужчин, с восторгом нарушивших уединение молодой графини. Тут были и юный Окулич, с простительными для его возраста веснушками, и помещик Забусов, хозяин одной из лучших в округе конюшен, и любитель псовой охоты Ипполит, единственный наследник барона Яроша. Помимо этих троих новоявленных поклонников, остальные уже успели предложить ей руку и сердце и теперь приближались с некоторой опаской, познав непредсказуемый характер графини Волоцкой.

Та осторожность, с которой несостоявшиеся женихи приложились к ее перчатке, несколько позабавила Сашу, но она удержалась от едких замечаний и решила в последний раз оглядеть зал. Князя не было!

Девушка, привычно вздохнув, обратила свой взор на почтенных мамаш, подталкивающих своих сыновей к группке мужчин, окруживших Александру. Три богатые вдовы – Катафьева, Поклонова и Бутусова – всяческими способами заставляли своих отпрысков добиваться внимания Сашеньки Волоцкой. Ее приданое вызывало у этих дам живейший интерес. И стоило молодой графине отказать очередному претенденту, как неугомонная троица тут же возникала на горизонте, подпихивая в спины упирающихся чад.

По подсчетам Елизаветы Михайловны, с начала выезда в свет племянница успела получить более двух десятков предложений. Но, видимо, и на сегодняшнем балу она развенчает пылкие надежды некоторых молодых людей.

Сынки, каждый по очереди, попытались исполнить наказы своих настырных маменек. Юный Катафьев сделал неуклюжее предложение во время танца, чуть не отдав графине ноги. Упитанный Никиша Поклонов, давясь пирогом с вязигой, во время следующего перерыва попросил осчастливить его на всю оставшуюся жизнь. А нескладный Бутусов, подведя девушку прямо к оркестру, прокричал ей в ухо о своей пылкой привязанности. Саша заметила выражение несказанного облегчения на лицах молодых людей после ее вежливых отказов. Вероятно, они ждали от нее худшего, извещенные молвой о судьбе несчастного Кирдягина.

Несмотря на то, что князь Адашев так и не появился, девушка почти успокоилась и тихо радовалась, что бал приближается к завершению. Скоро объявят котильон, и она навсегда покинет это общество великосветских сплетниц и высокомерных фанфаронов со всеми их

ужимками и прыжками. Вдобавок ко всему ей попросту надоело ощущать себя лошадью на аукционе, а не молодой девушкой с собственными мнением, чувствами и желаниями.

5

Бал постепенно достиг точки кипения и теперь, как остывающий самовар, слегка попухивал и исходил паром. Подойдя к Елизавете Михайловне, Саша взяла стакан лимонада с высокого столика, заполненного сладостями и напитками. Как она себя ни успокаивала, потеряв надежду на встречу с князем Адашевым, тем не менее она почувствовала вдруг такую обиду и разочарование, каких никогда в жизни не испытывала. Но едва она поставила пустой стакан на поднос, как услышала легкий шквал возбужденного шепота, пронесшегося по танцевальному залу. Александра заметила десятки взглядов, устремленных на дверь, и почувствовала, что не может вздохнуть.

Князь приехал?!

Девушка поднялась на цыпочки, чтобы разглядеть, что творится у входных дверей, и эта уловка не укрылась от тетки. С недоумением проследив за взглядом племянницы, она увидела Полину Дизендорф, экзотической бабочкой впорхнувшей в зал. В оранжевом шелковом тюрбане, перевитом янтарной нитью, в такого же цвета платье с чрезмерно открытыми плечами и грудью, со шлейфом из черного газа, в черных перчатках, с широким янтарным браслетом и большим веером из перьев черного лебедя, баронесса была чудо как хороша! Ее густые темные волосы не по моде свободно падали на плечи, подчеркивая красоту шелковистой кожи, а чувственно приоткрытый пунцовый рот так, кажется, и призывал к страстным поцелуям.

Елизавета Михайловна презрительно скривилась. Вдовушка верна привычке повергать всех в столбняк своими манерами и нарядами. Догадывался ли кто-нибудь еще о причинах столь позднего ее появления? По тому, как быстро окружила баронессу толпа молодых и не очень мужчин, Буйновская поняла, что ее догадки верны: Полина Дизендорф опоздала намеренно.

Графиня хотела уже отвернуться, но, нечаянно глянув на племянницу и отметив некоторую бледность ее лица, вновь проследила за ее взглядом: у дверей стоял князь Адашев. Он был не замечен из-за фурора, произведенного баронессой; слегка прищурившись, князь оглядывал взбудораженный зал.

Саша застыла, увидев его, ноги вмиг словно приросли к полу, дыхание перехватило, сердце замерло, а потом вдруг неистово забилося, как пойманная в силки птица.

Она не ошиблась в своих предположениях. Князь Адашев был очень красив, но не слащавой красотой столичных ловеласов, подправленной руками умелых портных и модных парикмахеров. Это был зрелый, уверенный в себе мужчина. Волосы его в свете множества свечей были намного светлее, чем ей показалось в доме графини Катин-Оболенской. пышной шапкой они лежали у князя на голове, свиваясь на шее в мягкие колечки и достигая плеч. Фуляровый платок был завязан с особым изяществом. Воротник рубашки прекрасно накрахмален. Черный сюртук и панталоны из превосходной ткани сшиты у первогоклассного портного.

Прикрыв лицо по самые глаза веером, Саша лишь тогда осмелилась получше рассмотреть Кирилла Адашева. Опаснее всего было встретиться с ним глазами и выдать свой интерес. Но князь, похоже, не замечал, что уже добрая половина присутствующих отвлеклась от созерцания прелестей молодой вдовушки и с любопытством наблюдает за его появлением.

Хозяйка бала в сопровождении верных приятельниц принялась пробиваться сквозь шумную толпу к долгожданному гостю. Вскоре женщины, окружив князя пестрым кольцом, повели его в глубь зала. Девушка разочарованно проводила взглядом возвышавшуюся над причудливыми тюрбанами дам пышную шевелюру Адашева и отвернулась. Кажется, темно-карие глаза, несколько крупноватый нос и твердо очерченный подбородок с заметной ложбинкой посередине ей так и не удастся рассмотреть поближе. Она никогда не узнает, какой у него голос и всегда ли так серьезен его взгляд под слегка нахмуренными бровями. А эти изогнутые в

несколько презрительной усмешке губы, разве не раскроются они когда-нибудь в обращенной к ней улыбке?

Саша еще сильнее прижала мягкие перья веера к лицу, пытаясь остановить неприятную дрожь. Она старалась рассмотреть, кого сейчас представляют Адашеву. Теперь она и не помышляла просить тетю познакомить ее с князем. Интерес к нему показался ей вдруг нескромным и даже стыдным. Девушка отвела от лица колючий тугой пальмовый лист, но не потому, что тот слегка сдвинул белый шелковый тюрбан на ее голове, нет – он мешал наблюдать за красавцем князем. Тюрбан ее был перевит затейливой, темно-синей с золотом тесьмой; чуть более аршина белого шелка свисали с головного убора свободным шлейфом, который можно было обвить вокруг шеи или перекинуть на грудь. Саша поправила тюрбан, а ткань уложила в виде легкого шарфа, прикрывшего изящное плечо.

Это занятие отняло у нее несколько секунд, но, когда она вновь подняла глаза, несчастное ее сердце снова затрепетало в груди. Густой румянец залил лицо и шею. Во рту пересохло, ноги налились свинцовой тяжестью. Саша испугалась, что не сумеет сделать ни единого шага, в то время как князь Адашев был уже совсем близко от ее убежища и шел, несомненно, в ее направлении.

Саша подалась ему навстречу, сжимая в руках веер, как самую надежную сейчас опору. Неужели он все-таки заметил ее и спешит пригласить на тур вальса, который только что объявил распорядитель бала. Но румянец тут же исчез с ее щек: взгляд князя прошелся над ее головой, скользнул за спину, и, повернув голову, Александра поняла, что князь спешит к очаровательной Полине Дизендорф, улыбавшейся и протягивавшей навстречу Адашеву обе руки. Князь обнял женщину за талию, и они влились в толпу танцующих, не заметив, как высокая девушка в белом платье обессиленно прижалась к стволу пальмы, прикрывая лицо веером.

К счастью, ее переживаний никто не заметил. Отойдя за деревья, Саша опустилась в глубокое бамбуковое кресло, чтобы привести в порядок растревоженные чувства. Из-за края перчатки она достала маленький кружевной платочек и, прикрывшись спасительным веером, вытерла глаза и отсыревший нос. Пальмы заслоняли обзор, и Саша решила вернуться на прежнее место. Но тут чей-то шепоток достиг ее ушей. Одного упоминания имени князя хватило, чтобы ее сердце опять мучительно замерло.

Девушка напрягла слух. Раскидистые листья какого-то южного растения скрывали ее от взоров трех неразлучных дам – Катафьевой, Поклоновой и Бутусовой, самых известных в свете сплетниц. Говорят, и московская знать побаивалась ядовитых кумушек, успевавших побывать в центре всех светских заварушек.

– Разумеется, князь Кирилл появился на сегодняшнем балу из-за этой несносной Дизендорф! И даже не соизволил скрыть свой интерес к ее особе, пригласил на первый же танец, – раздраженно пробубнила предводительница зловредной троицы вдова тайного советника Поклонова. – Конечно, это для него не лучшая партия! Ходят слухи, что баронесса основательно поиздержалась и... – тут синий, розовый и шафрановый тюрбаны склонились ниже, заглушая торопливый шепоток. Услышанная новость, очевидно, так поразила тюрбаны, что они тут же вернулись в исходное положение, а веера затрепыхались, точно осенние мухи на оконном стекле, не в силах скрыть возросшее возбуждение своих хозяек. Старухи отодвинулись друг от друга, а затем генеральша Бутусова прошелестела, но уже достаточно громко:

– Однако каков мужчина! До чего красив! Будь я снова молодой!.. О боже! О боже!.. Баронесса совсем ему не пара и ни в какое сравнение не идет с его покойной женой. Княгиня так рано умерла. Я слышала, у него два сына от нее. Разве эта вертихвостка в состоянии стать им хорошей матерью?

– К сожалению, дорогая Анфиса Макаровна, мужчины забывают о детях, когда влюбляются. Бедным крошкам несладко придется, если князь вздумает привести баронессу в дом.

– Совершенно согласна с вами, Милица Лаврентьевна, – присоединилась к ним тощая Катафьева. – Она уже накушалась свободы после смерти своего старика и, пока ее смазливое личико еще может соперничать с молоденькими барышнями, непременно поспешит окрутить князя. Я совсем не удивлюсь, если она со своими талантами весьма преуспеет в этом. Мужчины падки... – тюрбаны вновь слились в разноцветное пятно, и по язвительному хохоту Александра догадалась, что отнюдь не благонаравием привлекает к себе внимание мужчин Полина Дизендорф...

Тут веснушчатый Окулич осмелился нарушить Сашино уединение, пригласив на обещанный ему танец. Саша обрадовалась. Юный отпрыск почтенного семейства, сам того не подозревая, спас ее от искушения услышать продолжение разговора великосветских кумушек, который вскоре перерос рамки пристойности. Троица, несколько увлекшись, на приличном французском языке охарактеризовала непристойное поведение баронессы, поименно перечислила всех ее любовников и почти искренне выразила сочувствие князю Адашеву, так неосмотрительно проглотившего аппетитную наживку в виде привлекательного личика, стройной, но уже полноватой фигуры и куриных мозгов, как выразилась хриплым шепотом грубоватая Поклонова.

Саша, к счастью, подобных откровений не услышала. Окулич увлек ее на другую сторону бальной залы, подведя к группе, которая составлялась для кадрили. Девушка через плечо бросила беглый взгляд в сторону сторожевого поста княгини – небольшого возвышения в противоположном от оркестра углу, прозванного молодежью «капитанским мостиком». Отсюда княгиней Дувановой велось неусыпное наблюдение за тем, как проходит бал, и здесь же находились сливки общества, состоявшие на этот раз из десятка солидных дам и нескольких замученных балами барышень.

Протанцевав кадрили, Александра поискала глазами тетку. Оказывается, Елизавета Михайловна успела переместиться к «капитанскому мостику» и – о, ужас! – кажется, разговаривает с князем! Девушка поспешно отвернулась, не в состоянии понять, почему вдруг испугалась, что тетя обнаружит ее и решит позвать к себе. Объявили следующий танец, и Саша бросилась в объятия толстого Забусова, всполошив его внезапной прытью. Он долго не мог поймать ритм, спотыкался, краснел и, едва касаясь ее талии, пытался отвести взгляд от низкого декольте, открывавшего взору прекрасные плечи и верхнюю часть девичьей груди.

На поворотах воздушный колокол платья не успевал за Александрой, и мужским взорам на миг приоткрывались изящные ножки, совсем немного, чуть выше щиколоток, в великолепных атласных туфельках и белых узорчатых чулках. Отдавшись танцу, Саша не замечала никого и ничего вокруг. Внезапно на нее повеяло ароматом знакомых духов, она слегка повернула голову и чуть не упала на партнера. Тетка танцевала вальс с Адашевым. Под тюрбаном с огромным павлиньим пером мелькнуло оживленное лицо графини Буйновской, к нему склонилось несколько сосредоточенное лицо князя. Он *разговаривал* с Елизаветой Михайловной и, как простой смертный, *улыбался* ей!

Девушка уже не слышала, о чем бормочет Забусов, прожужжавший всем ушам о паре чистопородных дончаков, которых ему удалось недавно приобрести. Саша еле дождалась, когда закончится танец – теперь уж тетка не преминет познакомить ее с князем Адашевым. Но не успел закончиться вальс, как тут же объявили мазурку. Девушку прямо из рук Забусова выхватил несносный Алтуфьев. Александра с тоской глянула в сторону тетки. Адашев склонился к ручке Елизаветы Михайловны, благодаря за танец, выпрямился и скучающим взглядом обвел зал. Тетка тоже завертела головой, и сердце девушки снова упало.

Князь еще раз прошелся взглядом по залу и, повернувшись к Елизавете Михайловне, что-то произнес, печально улынувшись. Тетка тоже слегка улыбнулась, пожав плечами. В этот момент Полина Дизендорф, отделившись от толпы поклонников, подошла к Адашеву. Не обращая внимания на дам из окружения Дувановой, застывших от подобной наглости, как надгро-

бия на купеческом кладбище, вдова взяла князя под руку и, приподнявшись на цыпочки, что-то прошептала ему на ухо.

Лучшая половина собрания дружно ахнула – надо же, какая дерзость со стороны баронессы, ведь она не может не знать, что сейчас все взгляды устремлены на князя Кирилла и на нее!

Адашев, слегка нахмурившись, тихо ответил Полине. Александра заметила протестующее движение его руки, словно он вознамерился освободиться от коготков хищной птички, вцепившейся в его рукав. Однако баронесса, не привыкшая обращать внимания на подобные пустяки, продолжала щебетать и дразнить князя, а потом стремительно увлекла его на середину зала в круг танцующих. Она вынуждала его танцевать! Отказаться – значит нарушить приличия и заставить сплетников чесать языками.

Саша еще мгновение наблюдала за тем, как князь уступает настойчивым уговорам баронессы. Сережа Бутусов вновь пригласил ее, и девушка обрадовалась, что может оторваться от неприятной ей сцены.

Юный Серж на этот раз чувствовал себя свободнее, получив отказ выйти за него замуж, и потому партнером оказался довольно приятным и в меру говорливым. Однако взгляд графини Волоцкой постоянно скользил в сторону танцующей неподалеку пары.

«Как она *безбоязненно* и оживленно разговаривает с ним!» – подумала Саша, в который раз взглянув на одну из самых красивых пар на балу княгини Дувановой. Полина ослепительно улыбалась своему высокому партнеру, покачивала очаровательной головкой, поводила то обнаженным плечом, то глазами, когда Адашев что-то говорил ей в ответ. В какой-то момент девушка заметила весьма фамильярный жест красавицы: та своей затянутой в перчатку рукой убрала со лба князя выбившуюся прядь. Все это было крайне неприлично, и Саша вдруг, по примеру Забусова, сбилась с ритма: она нашла объяснение поведению баронессы.

Возможно, и *неприлично*, но только не для невесты! И не зря они почти одновременно появились на балу! Но когда и где Полине Дизендорф удалось увлечь князя?

Сделанное открытие настолько ошеломило Сашу, что она непроизвольно остановилась посреди танца, заставив бедного Сережу споткнуться.

– Ради бога, простите! – воскликнула она, смутившись.

Бутусов, покраснев, отвесил неуклюжий комплимент:

– Даже простить вас для меня величайшее удовольствие! Но, кажется, вас тоже заинтересовал князь Адашев, или я ошибаюсь?

Молодой человек смотрел на партнершу слишком простодушно, чтобы в его словах заподозрить насмешку над чувствами Саши, но, к ее удивлению, у нее не нашлось подходящего словечка, чтобы оборвать любопытного юнца. Вдобавок она так отчаянно покраснела и вновь чуть не сбилась, что Серж только озадаченно хмыкнул и покачал головой.

Танец, на ее счастье, закончился и избавил девушку от оправданий перед молодым человеком.

– К кому вас подвести? – спросил ее Бутусов.

– К тетушке, пожалуйста.

Серж, поддерживая Сашу под локоть и лавируя, подобно кораблю в прибрежных рифах, повел ее сквозь море кружев, лент, развевающихся шарфов и пышных юбок навстречу Елизавете Михайловне. Князь Адашев успел тем временем освободиться от объятий баронессы и, стоя теперь неподалеку от тетки, разговаривал с хозяйкой бала. Когда Александре оставалось сделать до них не более двух десятков шагов, он улыбнулся Дувановой, затем склонился к ее руке. Княгиня что-то укоризненно молвила в ответ, слегка шлепнув князя по затылку сложенным веером. Адашев выпрямился и, снова улыбнувшись, отошел от «капитанского мостика».

Саша почувствовала мгновенную слабость в ногах. Князь Кирилл шел прямо на них с Бутусовым, и ему непременно придется уступить дорогу, если он склонен соблюдать приличия.

Она смело глянула на человека, захватившего ее мысли и чувства, и приготовилась достойно встретить его взгляд. Но Адашев, приблизившись почти вплотную, скользнул по ней бесстрастным взором. Как тогда, при первой встрече в вестибюле, он учтиво склонил голову и, посторонившись, пропустил парочку.

Гордо вздернув подбородок, Саша прошествовала мимо и влилась в суетливую, разногласую толпу теткинх приятельниц.

– Сашенька, ну где ты пропадаешь? – с досадой воскликнула Дуванова. – Мы тут всю стараемся представить тебе князя Адашева...

– *Qui est-ce?*¹⁰ – высокомерно спросила графиня Волоцкая, пытаясь скрыть овладевшее ею чувство полного провала и унижения. Только что на нее обратили внимания не больше, чем на какой-нибудь стул или пальму. Саша даже порадовалась, что их знакомство не состоялось. Почувствовать вновь этот рыбий взгляд. Ощутить явное безразличие и, хуже того, скрытое пренебрежение? Нет уж, увольте. Подобных экзерсисов ее бедное сердце уже не выдержит.

Елизавета Михайловна и княгиня, опешившие от ее слов, наконец-то обрели дар речи; тетка сердито прошипела:

– Ты что, проспала весь вечер, *ma bonne*? Мы с княгиней битый час защищаем его от нападков Дизендорфи, всеми правдами и неправдами пытаемся удержать около себя, а ты и в ус не дуешь! Учти, Сашка, сейчас ты упустила лучшую партию и, считай, подарила князя баронессе.

Девушка вспыхнула, но в этот момент Дуванова вклинилась между теткой и племянницей, прервав назревающую ссору:

– Смотрите, эта бесстыдница опять к нему прицепилась!

Обступившие их дамы устремили свои взоры в сторону дверей, где Полина Дизендорф что-то торопливо говорила насупившемуся князю. Адашев коротко ответил ей и поспешил выйти. Баронесса, бросив растерянный взгляд в зал, заметила множество любопытствующих и откровенно торжествующих глаз, сделала безмятежное лицо и впорхнула как ни в чем не бывало в кружок своих поклонников, стерегших каждую улыбку или дружеский кивок красавицы.

– Ну что, Саша, теперь знаешь, кто такой Кирилл Адашев?! – поинтересовалась насмешливо Дуванова. – *Non pareil!*¹¹ Красавец! Орел! Ах, почему я замужем!

– Ничего особо привлекательного в этом верзиле не нахожу! – Александра пожала плечами и скривила губы. – К вашему сведению, он совершенно не в моем вкусе и потому ни о каких потерях и речи не может быть!

---

¹⁰ *Qui est-ce?* (франц.) – Кто это?

¹¹ *Non pareil!* (франц.) – Бесподобный, несравненный!

6

Через час Саша сидела в карете напротив графа и графини Буйновских. Тетка настойчиво смотрела в одно окно, дядька – в другое. Племянница всячески старалась отвлечь их от пустого созерцания затянутых морозцем стекол, пытаясь разговорить дувшихся друг на друга родственников и прервать их непозволительно долгий молчаливый поединок.

Несмотря на выволочку, устроенную Саше на балу, Елизавета Михайловна словно забыла об очередной неудаче и не произнесла более ни единого слова упрека. Похоже, сейчас ее заботила собственная судьба и беспокойство по поводу резкой перемены в поведении мужа. Граф впервые за последние три месяца вызвался сопровождать ее и Сашу на бал. И хотя на этот раз попытался увильнуть от танцев и весь вечер провел в компании старого Дуванова за карточным столом, графиня нашла этому единственное объяснение: непутевый муженек боялся сплетен, оказывается, не меньше, чем ее справедливого гнева.

В карете она продолжала демонстрировать свое негодование. Но граф, ободренный многозначительными взглядами племянницы, принялся вдруг безудержно шутить, обращаясь к Саше не иначе как *m-lle la comtesse*, и пересыпать свою речь бесконечными комплиментами в адрес спутниц. Наконец Елизавета Михайловна не вытерпела и попросила его замолчать. И тут же, не сдержавшись, добавила, что у него уже *есть* предмет для обожания, так пусть он его и ублажает. Ехидство, прозвучавшее в словах его очаровательной жены, повергло графа в уныние, заставив умолкнуть и задуматься о предстоящем неприятном объяснении.

Вот уже сутки Роман Буйновский вновь был свободной птишкой. Два дня тому назад *m-lle Camille* спешно покинула столицу без объяснения причин, без последнего письма своему покровителю. Но более всего удивило графа то, что все его подарки, даже такие пустячные, как коралловые бусы и кроличья муфта, были оставлены с наказом лакею все вернуть и непременно в руки покинутого любовника. Ни горничная, ни другие слуги ничего толком не объяснили. А граф, ошеломленный подобным поворотом событий, не мог поверить, что так легко избавился от наивной с виду голубицы, которая, быстро узнав слабости своего покровителя, весьма ловко попыталась ободрать его как липку. Только по счастливой случайности Роману Буйновскому удалось избежать участи уже облапошенных воздыхателей *Camille Bontemmont*.

Пойманный на крючок кротким взглядом и хорошеньким личиком, граф уже и сам был не рад, что его связь слишком затянулась. Тем более что она затевалась в пику несколько охладевшей к нему жене. Но истинные цели этого адюльтера еще более усугубили размолвку, и, если бы не приезд племянницы, немного отвлекший супругу, неизвестно, чем бы все кончилось...

Саша искренне забавлялась созерцанием неуклюжих попыток дядьки замолить грехи и гранитной выдержкой тетки. Это нечаянное развлечение немного подняло ее настроение и почти развеяло неприятный осадок, оставшийся в душе после встречи с князем Адашевым. Она была уверена, что непременно справится с отчаянием и ощущением безвозвратной потери. Саша привыкла избавляться от собственных бед без чьей-либо помощи, но иногда вмешивалась в чужие дела, даже если ее об этом не просили.

Вот и на этот раз ее верная Серафима, горничная и подруга, выведала у секретаря дяди Романа местонахождение любовного гнездышка. В тот же вечер, за пару часов до свидания графа со своей любовницей, в ее квартире появились два молодых человека в широкополых, низко надвинутых на лоб шляпах, при внушительных пистолетах и сыромятных хлыстах, которыми они поклялись изобразить на спине бойкой француженки весь путь отступления Наполеона из Москвы, если она не оставит в покое графа Буйновского. Вид грозных, никогда не виданных ранее *cowboys* не позволил мадемуазель усомниться в серьезности намерений неожиданных визитеров, и она с легкостью рассталась с множеством подарков, которые выма-

нила не только у графа, но и у некоторых других кавалеров. Их m-lle Camille до поры до времени числила в запасе, оказывая любовные услуги от случая к случаю, чтобы не расставались с надеждами на лучшее будущее...

Добравшись до дому, Елизавета Михайловна первым делом удостоверилась, что племянница улеглась в постель, поцеловала Сашу в щеку, задула свечу и осторожно прикрыла за собою дверь. Ей было невдомек, что девушка, тут же откинув одеяло, в одной ночной рубашке прокралась к окну и устроилась в маленьком кресле, в котором просидела до утра, перебирая в памяти события прошедшего вечера.

Графиня Буйновская, оставаясь в неведении о мыслях племянницы, вышла в коридор и остановила взгляд на небольшом пятне света на ковре. Его отбрасывал настенный светильник, висевший напротив дверей Александры. Графиня чувствовала смутное беспокойство, словно упустила из поля зрения нечто важное, но что это было, как ни силилась, вспомнить не могла.

Наконец рука, которой она сжимала латунную дверную ручку, затекла от напряжения, и это почему-то напомнило Елизавете Михайловне чудное поведение Саши на балу. В ее открытом интересе к князю Адашеву графиня не могла ошибиться, по опыту зная, что шальной огонек в глазах, густой румянец и нервное покусывание губ – первый признак того, что женщина кем-то серьезно увлечена.

Поначалу Елизавета Михайловна не поверила своим глазам. Почему вдруг Адашев? Саша даже толком не успела его рассмотреть во время короткой встречи в полутемном вестибюле, и впоследствии они ни словом не перемолвились о князе Кирилле. Девочка, несомненно, серьезно увлечена, раз согласилась остаться еще на полмесяца. Неужели случилось невозможное, и неуловимый для столичных невест князь сумел завладеть сердцем ее племянницы?

Видит бог, они с княгиней Дувановой из кожи вон лезли, чтобы познакомить молодых людей. Но Саша и здесь повела себя странным образом: протанцевала весь вечер, не отказывая ни одному кавалеру, а все теткинские знаки, которые она как терпящие бедствие парусники подавала с «капитанского мостика», напрочь игнорировала. И князь, которого с превеликим трудом удалось завлечь на бал, так и уехал, не познакомившись с графиней Волоцкой.

Елизавета Михайловна потеряла окончательно затекшую руку и прислушалась. За дверью было тихо, и тетка с сожалением покачала головой. Девочка носится со своей гордостью, как дурень с пыльной торбою, и упустила сегодня прекрасный шанс. При желании еще на балу она могла уложить к своим ногам одного из самых видных и богатых женихов, которые пока еще водятся на Руси. Теперь это станет делом чести для бессовестной баронессы. В деревне для девочки вряд ли отыщется достойный жених. Жаль, из нее и князя могла бы получиться красивая пара!

Утро вечера мудренее! Вот еще со своими заботами как бы управиться! Возможно, ей в свое время не следовало выходить замуж за графа Буйновского. Горячая взаимная любовь не всегда сулит покой и радость... Их брак изобиловал ссорами, бурными сценами, особенно в последний год. Возможно, потому, что у них не было детей и они по каждой мелочи, по каждому пустяку придирались друг к другу, копили никчемные обиды, чтобы сотворить из них очередной скандал. Но потом наступало примирение, и они в который раз переживали свой медовый месяц.

Последние три месяца, казалось, зачеркнули два десятка лет счастья, трудного, неустойчивого, но все-таки счастья. Для своей племянницы, которую Елизавета Михайловна считала почти дочерью, она желала лучшей судьбы. Нет, это не для Саши – мучиться, терпеть унижения, будучи безответно влюбленной. Графиня за эти месяцы испытала столько душевных мук, что их хватило бы на всю жизнь, и потому хотела оградить девочку от чрезмерных страданий. Однако перед началом бала Дуванова успела ей шепнуть, что ее супруг, Роман, расстался со своей гнусной мадемуазель и та скрылась в неизвестном направлении. А сам он на днях сетовал в кругу ближайших приятелей, что, очевидно, переусердствовал в попытках привлечь внима-

ние жены и теперь, похоже, сам останется на бобах, так как графиня окончательно охладела к нему.

Елизавета Михайловна за двадцать лет совместной жизни неплохо изучила характер своего мужа и поэтому к словам княгини отнеслась настороженно. Роман Буйновский не мыслил своего существования без легкого флирта, но отношения с французенкой зашли слишком далеко. Граф даже осмелился снять ей квартиру, что было последней каплей, переполнившей чашу терпения жены. Он был немедленно отлучен от супружеской постели, а во время совместных завтраков и редких теперь обедов к нему обращались не иначе как «наш недостойный супруг». Вскоре и на балах графиня демонстративно стала появляться одна, а потом в сопровождении племянницы, что несколько успокоило подозрения ревнивого графа и сняло предпосылки грядущей мести в виде раскидистых рогов над редющей графской шевелюрой.

К счастью, муж не догадывался о роли Кирдягина в этой эпопее, и потому сегодня супругам удалось сделать первый робкий шаг к примирению...

Графиня прошла дальше по коридору и остановилась в нерешительности. Что ни говори, а столько лет прожито вместе! Она тоже хороша, вдосталь намучила мужа капризами и мелочными придирками. Так что оба квиты, а у нее душа прямо разрывается, глядя на его страдания. А то, что граф не притворяется, это она давно научилась читать по его глазам, так же как и недавние греховные мысли...

Дорога с бала домой показалась Елизавете Михайловне бесконечной. За шуточками и комплиментами граф пытался скрыть неуверенность и беспокойство. Незаметно для Саши он умудрился слегка пожать руку жены. Роман так много успел сказать ей своими взглядами, виноватой улыбкой и, главное, этим тайным пожатием...

По широкой лестнице, ведущей на второй этаж, они поднимались каждый по своей стороне. На самом верху граф шепнул жене, что просит прийти к нему после того, как она уложит Сашу. А Елизавета Михайловна так давно не бывала в его спальне!..

Графиня решительно направилась к спальне мужа. Тут она немного помедлила, сердце забилося сильнее, Елизавета Михайловна подняла подрагивающую от волнения руку, чтобы тихонько постучать в украшенную резными купидонами дверь.

Ожидая, когда та откроется, она крепко сжала ладони и принялась считать секунды. Одна, две, три, четыре, пять...

Дверь распахнулась на шестой секунде... Ровно столько времени графу понадобилось, чтобы отреагировать на стук. Он и так уже более получаса стоял по другую сторону двери, с замиранием сердца прислушиваясь к тихим шагам по коридору.

Елизавету Михайловну обдало волной теплого воздуха, и она увидела, что света в комнате нет, кроме огня от приоткрытой дверцы большой голландской печи. В молодости им так нравилось сидеть рядом с ней на полу или сжимать друг друга в любовных утехах прямо на мягком персидском ковре, где она часто и засыпала в объятиях Романа Буйновского.

Окинув быстрым взглядом спальню, графиня незаметно для мужа вздохнула. Все было здесь по-прежнему. Легкие отсветы пламени ложились на резную мебель красного дерева, падали вокруг причудливыми тенями. Они залегли и на лице ее любимого, чуть не разрушившего любовь и пусть хрупкий, но покой, царившие в их семье. Возможно, она и впрямь так постарела, что один только ее вид вызывает у мужа отвращение? Вряд ли! Свежестью лица и отменной фигурой она ни в чем не уступает, а живостью характера и остроумием превосходит засидевшихся в девках барышень. И даже рядом с Александрой не чувствует себя старухой. Наоборот, приезд племянницы как будто влил свежую кровь в ее жилы, помог ей справиться с тоской, а все подруги, хотя и скрепя сердце, вынуждены признать, что, несмотря на все потрясения, графиня Буйновская, несомненно, похорошела в последнее время.

Елизавета Михайловна, облизнув пересохшие губы, смело посмотрела на мужа. Он же глядел смущенно и виновато. Так он смотрел на нее в их первую ночь после свадьбы... Колени ее задрожали.

– Роман, – прошептала она едва слышно и шагнула через порог, моля бога, чтобы не упасть от внезапно охватившей ее слабости. Но ноги все-таки подвели ее.

Граф, захлопнув дверь, подхватил ее и крепко прижал к груди.

– О боже! – выдохнула Елизавета Михайловна, обхватив его за шею. Слишком долго ее не обнимали с подобной силой и страстью. Она прильнула к груди мужа, и биение его сердца заставило ее вновь испытать давно забытое волнение.

– Ты веришь, что я сожалею о той обиде, которую так опрометчиво нанес тебе? Но я клянусь, что никогда не переставал тебя любить, и эта связь...

– Давай не будем об этом! – прошептала в ответ женщина. – Я сама во многом виновата, своим равнодушием и эгоизмом заставила тебя подумать, что прежние чувства не восстановить. Жила собственными обидами, заботилась лишь о своем покое...

– Значит, несмотря ни на что, ты продолжаешь меня любить?

– Каюсь, окончательно я поняла это только вчера, когда Дуванова сообщила мне перед балом одну новость. И я подумала, что само провидение помогло нам исправить твою ошибку.

– Должен признаться, что это провидение очень походило на двух молодых джентльменов в довольно странных одеждах, которые даже не подозревают о том, что вновь сделали нас счастливыми! Я постараюсь их непременно отыскать и отблагодарить! А сейчас, дорогая, – граф улыбнулся и, слегка отстранившись, заглянул в глаза жены, – как ты смотришь на то, чтобы вспомнить нашу первую ночь? Надеюсь, ты не все успела забыть?

Разве могла она забыть то счастливое, безумное время?! Елизавета Михайловна счастливо зажмурилась, почувствовав горячие мужские губы на своих устах. В отличие от той неискушенной новобрачной, за двадцать лет супружеской жизни она научилась доводить мужа до иступления, да и он теперь не был столь робок.

Когда же граф, подняв жену на руки, понес к постели и бережно уложил на подушки, вся тоска, все терзания последних месяцев рассеялись, остались только сияющие от счастья глаза Романа. Елизавета Михайловна обняла его, прижалась всем телом, забывая и прощая обиды своему единственному мужчине, которого любила более всего на свете.

7

А Саша почти до самого утра просидела в любимом кресле у окна своей спальни, бесильно опустив руки на колени. Портьеры из небесно-голубого дамасского шелка, высокая кровать вишневого дерева с роскошным балдахином того же цвета, собранным в розетку у потолка, светлые деревянные панели, выкрашенные в бледно-желтый цвет стены, удобные кресла с высокими спинками и то, в котором она сейчас сидела, – маленькое, покрытое черным лаком, – все в этой комнате располагало к покою.

Но если бы она могла успокоиться и уснуть! Мысль о том, что она надолго, а вернее, навсегда покидает Петербург, приводила ее в отчаяние, но она не могла здесь более оставаться. Запущенные дела были гораздо важнее ее переживаний, связанных с человеком, который, кроме привлекательной внешности, никакими достоинствами не обладал. Слава богу, он даже не подозревает о том, какое впечатление произвел на жалкую дурочку из провинции.

Но, несмотря на все старания уговорить себя и не думать о князе Адашеве, рыдания подкатывали к горлу, и только усилием воли Саша сдерживалась, боясь переполошить весь дом и утомившуюся тетку в первую очередь. Только под утро ласковый Морфей подкрался к ней, и девушка уснула тут же в кресле у окна, изредка всхлипывая во сне, словно несправедливо наказанный ребенок.

Утром Саша проснулась от невыносимой головной боли. И вновь первая ее мысль была о князе: где он сейчас и в своей ли постели провел эту ночь? Сон, который она увидела уже перед рассветом, был слишком большим испытанием для ее нервов – князь Кирилл в объятиях Полины Дизендорф, а она, Саша, подобно теткойной престарелой ключнице, стоит неподалеку и разинув рот смотрит, как они целуются. В довершение всего Адашев определенно видит ее, потому что, не отрываясь от губ баронессы, косит глазами в сторону девушки. В какой-то момент, когда Полина принялась расстегивать ему сюртук и развязывать галстук, он даже исхитрился подмигнуть Саше. Тут сердце ее не выдержало, девушка задохнулась от негодования и... проснулась, с трудом осознавая, где явь, а где сон...

Она громко застонала от ярости. Сон, несомненно, был отголоском пережитого накануне волнения. Но чувства омерзения и гадливости, которые она только что испытала, не покидали, а в памяти вновь и вновь возникали жесты жадных торопливых пальцев, шарящих по телу князя, и весьма похотливая улыбка на приоткрытых от нетерпения губах баронессы.

Девушка отдернула портьеру и выглянула в окно. Закончился последний зимний месяц, и март с каждым днем набирал силу, заявляя о приближении весны надоедливыми ветрами и беспрестанными дождями со снегом. Поднимавшийся над крышами дым из труб смешивался с влажным воздухом, и туман, словно великан старьевщик, постепенно упрятывал город в огромный серый мешок.

Саша хмуро всматривалась в белесую, неопрятную мглу. Слишком уж этот утренний туман соответствовал ее настроению, которое так и не изменилось со вчерашнего вечера. Но тут с Финского залива внезапно ворвался лихой удалец – северо-западный ветер, прошелся густой щеткой по грязным нерасчесанным кудрям тумана, и вскоре проглянули небольшие участки низкого серого неба. На сердце немного полегчало, и подобно узкой голубой полоске, сверкнувшей на горизонте, мелькнула в девичьей головке слабая надежда...

Но этот робкий проблеск быстро потускнел от взгляда на серое небо, нависшее над Невой и Васильевским островом. Холодно и равнодушно взирало оно сверху на грустную девушку у окна. И эти облака, раздираемые безжалостным ветром в клочья, и этот угрюмый небосвод вновь напомнили ей тяжелый взгляд князя. Саша в сердцах задернула портьеру, позвонила Серафиме и, дожидаясь появления горничной, принялась в нетерпении метаться по спальне. С каждой минутой ее беспокойство нарастало, словно океанский прибой бесновался вокруг

утлого суденышка ее хрупких надежд, бился в борта тяжелыми волнами и грозил разрушить то неясное пока чувство, которое независимо от сознания все сильнее, все настойчивее захватывало ее сердце.

Через полчаса на редкость молчаливая Серафима, понимавшая, когда можно, а когда стоит и поостеречься лезть к молодой хозяйке с разговорами, помогла ей облачиться в платье из муслина в голубую и зеленую полоску. Горничная осталась в спальне, чтобы привести ее в порядок, а главное, убрать в огромный гардероб бальный наряд барышни, заброшенный ею за кресло.

Почему-то никто не разбудил Сашу пораньше, хотя еще ночью они договорились об этом с теткой. Спальня Елизаветы Михайловны была в другом крыле дома, и девушка отправилась туда, чтобы узнать о своем экипаже, более двух месяцев скучавшем в графской конюшне. В тот момент, когда она почти миновала комнату графа, оттуда послышался приглушенный дубовой обшивкой женский смех.

Остановившись, Саша прижала руку к губам, чтобы не вскрикнуть. Невозможно в это поверить, но в спальне дядьки женщина! Чужая женщина, в то время как его жена спит неподалеку, утомленная вчерашним балом, столько пережившая за последнее время. Ее бедная, бедная тетя!

Девушка на цыпочках подкралась к двери и прислушалась. Женщина больше не смеялась, но зато Саша явственно различила быстрый, возбужденный шепот и, кажется, даже звук поцелуя. Руки ее непроизвольно сжались в кулаки. Неужели граф развлекается со служанкой? С него станет затащить в постель молоденькую горничную! Однако какие бы слухи о Романе Буйновском ни гуляли по северной столице, племянница не верила, что ее веселый, добродушный дядька мог позволить себе подобную жестокость. Да, он был слабым! Да – безвольным! Но жестоким – никогда!

Но жизнь и на этот раз преподнесла Саше неприятный сюрприз, предоставив ей доказательства дядькиного вероломства. «Еще один жалкий негодяй в мужском обличье!» – с отвращением подумала девушка, поспешив по коридору к теткойной спальне. Поначалу робко, все еще сомневаясь в правильности своего поступка, она поскреблась в массивную дверь, но, когда Елизавета Михайловна не отозвалась, постучала более решительно. Не дождавшись ответа, племянница осмелилась приоткрыть дверь спальни. Увидев, что постель пуста, Саша распахнула створки настежь и с недоверием оглядела шелковое покрывало, аккуратно без складочек возлежавшее на кровати.

В этой постели сегодня никто не спал!

Без малейших угрызений совести Саша опять вернулась к дядькиной спальне и прижалась ухом к двери. Она снова услышала бормотание и смех, затрудненное дыхание, легкие женские вскрики и постанывания.

«О-о-о!» – только и смогла выдохнуть пораженная Александра. Эти двое, похоже, переживают вторую молодость!

Оказывается, ее тетушка, поборница строгих нравов, от которой Саше не раз попадало за выразительные народные словечки и недопустимые для девушки ее происхождения взгляды на интимную сторону жизни человека, оказывается, она тоже небезгрешна и способна со всей страстью и безрассудством заниматься любовью, не стесняясь, что их могут услышать слуги и она, Александра!..

Девушка задумчиво закусил губу. Если дядька с женой в одной постели, значит, нет повода беспокоиться о них? Теперь им будет не до племянницы, и она спокойно отправится в свое имение. Внезапно дверь легонько скрипнула и подалась от сквозняка. Открывшаяся взору картина вмиг вывела Сашу из состояния задумчивости. Поза, в которой находились сейчас ее любимые родственники, была отнюдь не двусмысленна, а их разгоряченные, раздумавшиеся лица подтверждали, что они на подступах к пику своей по-молодому горячей страсти. К сча-

стью, занятые друг другом, они не заметили нечаянного свидетеля их примирения, испуганно отскочившего от двери.

Странно, но охватившее девушку чувство стыда и удивления сменилось вдруг ощущением необыкновенной легкости. Саша стала быстро спускаться по лестнице, улыбаясь во весь рот, пока не добежала до нижней ступеньки. Здесь она остановилась. Мысль о князе Адашеве вновь пронзила ее сердце. Он ведь привлекательный мужчина и более молодой, чем ее дядька. Разве он способен слишком долго обходиться без женщины? Ласковая Козочка как-то рассказывала, что мужчина без женщины болеет, у него портится характер, он становится нетерпимым к окружающим... Не похоже, чтобы князь жил схимником, но вполне вероятно, что его поведение объясняется отсутствием постоянной женщины в его жизни. Девушка покачала головой. Вряд ли он страдает от недостатка женского внимания. Любая из вчерашних дам, даже Дуванова, которая всего-то на пару лет моложе Елизаветы Михайловны, и то сожалела, что скована брачными узами, да тетка и сама млела в его объятиях. Что же тогда говорить о баронессе, свободной в своих поступках, как горный ветер?!

Нет, навсегда уплыла ее надежда в туманные дали, навсегда разбежались их пути-дороги, так и не успев пересечься, хотя бы на мгновение...

О господи! Саша несколько раз перекрестилась. Спаси и сохрани ее от мыслей о князе, избавь от грешных дум и напрасных надежд! Помоги найти силы, чтобы спокойно и без сожаления покинуть Петербург!

Время и расстояние помогут забыть этот холодный, бесстрастный взгляд. Она попытается воспользоваться советами тети и влюбиться в какого-нибудь провинциального недотепу. И тут же мысленно отругала себя. Не нужна ей никакая любовь. В имении слишком много дел, чтобы думать об устройстве собственной судьбы. Такой уж, видимо, ее удел – прожить всю жизнь в одиночестве. Глубоко вдохнув, Саша расправила плечи и постаралась с пафосом римского цезаря произнести:

– *Alea jacta est!*¹² – И, не выдержав, рассмеялась. Хорошее настроение снова вернулось к ней, а радость от предстоящей встречи с отцом, предчувствие скорого избавления от столичной сутолоки наполнили сердце безмерным покоем.

---

¹² *Alea jacta est!* (лат.) – Жребий брошен!

8

Князь Адашев и его старинный приятель Павел Верменич, давний соучастник всех детских проказ и юношеских забав, на которые оба были великие мастера, сидели в ресторане Леграна и отмечали встречу после трехмесячной разлуки. Перед этим они долго беседовали в кабинете князя, но так и не наговорились.

У них всегда было о чем поговорить и что вспомнить.

Имения их отцов находились по соседству. Полчаса бега через заросшую лесом балку, а потом вдоль ручья позволяли мальчикам видаться ежедневно. К тому же это были прекрасные места для игры в казаки-разбойники и отважного рыцаря Робин Гуда. И теперь, будучи в деревне, друзья беспрестанно встречались и секретов друг от друга не держали.

По примеру соседа Верменич-старший отдал своего отпрыска в Морской кадетский корпус; молодые люди закончили его одновременно, но назначение получили на разные корабли. И хотя Павел не сделал столь головокружительной военной карьеры, но службу закончил в звании капитана третьего ранга. И в отставку вышел также по причине тяжелого ранения в последней турецкой кампании.

Чуть выше среднего роста, широкоплечий, Верменич внешне был полной противоположностью спокойному и рассудительному князю. Жизненная энергия была в нем ключом, порою переплескивая через край, что создавало представление о нем, как о человеке довольно легкомысленном, веселом и простом в обращении. На самом деле среди близких ему людей он слыл большим умницей и, несмотря на дружеские отношения, был одним из наиболее беспощадных критиков проекта князя, но и ярым и верным его защитником. Просто в силу своего характера к некоторым житейским вопросам Павел подходил менее серьезно, чем его друг.

В отличие от Адашева, которого родители женили в двадцать лет на хорошем приданом, Верменич никогда не был женат. Вся губерния с неусыпным вниманием следила за полной опасностей и интриг жизнью первого любовника округи. О его авантюрах ходили предания, а из уст местных кумушек сыпались подробности его новых побед на фронтах любовных баталий. Обросшая легендами жизнь Павлуши Верменича вызывала скептическую усмешку успешного овдовевшего Адашева, но иногда князь не выдерживал и сурово отчитывал приятеля. Особое осуждение у него вызывал так называемый гарем. В имении у Верменича в отдельном флигеле всегда жили три-четыре девушки. «Ядреные у меня девки, кровь с молоком!» – любил похвастаться ими Павел. И действительно, красивые, здоровые наложницы с радостью выполняли любовные прихоти барина. Но, к его чести, он никогда не бросал их на произвол судьбы, а поскольку количество бывших возлюбленных из красавиц крестьянок (как и прижитых от них детей) все возрастало, то Павел большей частью был озабочен поисками подходящих для них мужей (от красивой девки с хорошим приданым, пусть и «потревоженной» барином, разве кто откажется?), находил нянек своим незаконным чадам. Их набралось уже с полдюжины, и все точная копия своего горячего папаша: со жгуче-черными кудрявыми головками, карими глазами и с вечной улыбкой на розовых физиономиях. От отца их отличало лишь отсутствие усов, а у Верменича они были отменные, в свое время несомненная гордость Черноморского флота – густые, длинные, ухоженные... «Мои воронье», как любовно называл их хозяин. Усы, очевидно, и были основной причиной, побуждающей женщин столь быстро сдаваться. Никто, кроме Павла, не мог так лихо управляться со своими усами, бесподобно звонко щелкать каблуками и так откровенно, шало и бесстыдно оглядывать женщин, отчего те безропотно шли в расставленные им сети, потом стремительно переходили в статус «бывших возлюбленных», легко с этим мирились, оставаясь с ветреным любовником в самых дружеских отношениях.

Он мог бы сыскать себе лавры и на дипломатическом поприще, потому как умел объясниться даже с самыми ревнивыми супругами своих пассий. Причем ни один из его романов не

повлек за собой ни дуэли, ни громкого скандала. И хотя князь Кирилл частенько корил друга, но любил и уважал его безмерно.

У каждого человека свое предназначение, свои цели в жизни, и то, какими путями он идет к этому, тоже предопределено свыше. Иногда Адашев не выдерживал, сердился, говорил другу о том, что жизнь быстротечна и нельзя прожигать ее в постелях любовниц, за карточным столом или на охоте. На что Павел отвечал громким хохотом, обещал непременно с понедельника начать новую жизнь или, наоборот, грозился оторвать его от «чертовых» бумаг и заставить наконец окунуться в «водоворот страстей» – это было любимым изречением Верменича. Но пока его благие порывы заканчивались полнейшей неудачей. Князь вопреки уговорам мирских радостей избегал и на провокации не поддавался, предпочитая большую часть времени проводить в имении, вдали от хорошеньких барышень и сопряженных с ними соблазнов.

Вот и теперь, вальяжно развалившись в кресле, поглядывая на худую, обсыпанную рисовой пудрой барышню за конторкой, Павел Верменич не свойственным ему тихим голосом, менторским тоном битый час внушал другу мысль о пагубности длительного воздержания.

– Нет, братец! – протянул он разочарованно, заметив скупающий взгляд Кирилла. – Мои сентенции тебе что слону дробина! Сидишь ты в своем поместье, как тот медведь в берлоге, а в столицу в кои веки заглянешь, так тоже дела, заботы... А жить-то когда, Кирюша, скажи на милость? Посмотришь на тебя, право, застрелиться хочется! Ты давно на себя в зеркало любовался? Хмурый, скучный, а все потому, что «девы юной лобзаньем тайным пренебрег», – неожиданно пропел Павел и, заметив скептическую усмешку на губах князя, продолжил с досадой: – Балы не посещаешь, от барышень шарахаешься; меня попрекаешь, что я попусту жизнь проживаю, а сам лучше? За бумажками и не заметишь, как молодость пройдет...

– Павлуша, тебя случайно никто из этих чертовых маменек в свахи не подрядил? – усмехнулся князь. – За все время, что я в Петербурге, меня пытались затащить на десяток балов, дюжину званных вечеров, обедов и приемов, но алчный блеск в очах почтенных дам слишком ясно говорит об их намерениях и ничего, кроме приступов изжоги, у меня не вызывает. – Адашев налил себе вина и затянулся сигарой. – Однажды я женился по воле родителей, прожил с Анной восемь лет, но ничего, кроме разочарования, не испытал. До сих пор не пойму, почему она меня так боялась? Не обижал ее и нежным старался быть... – Пожав плечами, он с грустью посмотрел на Павла.

– Не любил ты ее, вот в чем вопрос! – хотел сказать Верменич, но, заметив, как потускнел вдруг взгляд приятеля, решил сменить тему разговора. Плеснув и себе немного вина, Павел уставился на блюдо, на котором лежало нечто, обозначенное в меню как «le bifteck saignant». Отрезав кусочек сочной мякоти, он поддел его серебряной вилкой и отправил в рот.

– Нет, что ни говори, а добрые бестии эти французы! – зажмурился он от удовольствия. – Ежели что и приготовят, то во рту тает, по языку растекается. А мой Федор, уж на что учился у самого Шаппеля, но как ни приготовит, все не так! Рот забьет, в зубах застрянет! Силишься проглотить, ан нет! Прежде штоф вина надобно выпить, чтобы с таким *dejeuner*¹³ справиться!..

– Любишь ты все преувеличивать! – вздохнул Адашев. – Твой Федор готовит прекрасно, мой француз ему и в подметки не годится. Если бы не нянька, давно бы какую-нибудь болезнь нажил.

– Вот еще одна причина, почему тебе надо поскорее жениться, а то, смотрю, тебе и никудышного повара недосуг выгнать. Вытолкай его в шею, а на то время, пока нового подыщешь, я своего Федора уступлю, при условии, что у тебя столоваться буду.

– Я тебе который раз предлагаю пожить у меня. Негоже это по гостиницам отираться, да у меня и спокойнее будет.

– Разве я против? – улыбнулся Павел. – Только повара ты непременно выгони.

---

¹³ *Dejeuner* (франц.) – обед.

– Знаешь, я только этим в последнее время и занимаюсь. Неделю назад уволил француженку-гувернантку. По совету жены одного моего приятеля взял неплохую русскую учительницу. Спокойная, милая барышня, но мои паршивцы в первую же ночь подложили ей в постель дохлую крысу. Причем после глядели на меня честнейшими глазами и божились, что эта тварь сама залезла под одеяло и там удавилась. Представляешь, в спешке они забыли снять с нее петлю!

Захохотав, Верменич подавился хлебом с сыром пармезан, закашлялся до слез, чем вызвал недоуменные взгляды за соседними столиками. С трудом успокоившись, он достал из-за отворотов сюртука белую салфетку и вытер набежавшие на глаза слезы:

– Надеюсь, ты их не выпорол?

– А что толку пороть, если учительница сбежала на следующий день, даже не взяв расчет. Ума не приложу, что с ними делать? Завтра отправляю их назад в имение. Весна на дворе, нечего им в городе сидеть, грязью да копотью дышать. А мне придется еще на неделю задержаться до решения адмирала по проекту, да и учителя надо подыскать, непременно мужчину, строгого и непугливого...

– Бог тебе в помощь, Кирюша! – усмехнулся Павел и не преминул ехидно заметить: – Вспомни только, кого из нас лет этак двадцать – двадцать пять тому назад за уши таскали за подобную же крысу, только под подушкой у мадемуазель Надин? Что-то я запомнил, у кого они сильнее алым цветом полыхали?

Теперь настал черед князя улыбнуться:

– Хочешь, чтобы я поделился с этими сорванцами нашим богатым опытом избавления от зловредных учителей? Не дождешься, mon cher! Вот заведешь себе детей, тогда и учи их уму-разуму как бог на душу положит!

– Да вроде их у меня и так уж прилично набралось! – Павел удрученно крутанул свой пышный ус. – Весь дом и двор, клянусь тебе, заполонили. Вот только никак не запомню, где Васька, где Гришка, где Гаврюшка, мельтешат, как комары! Кто чей, тоже не пойму! Кто из них Глашин, кто Лушкин, а может, Василисин?.. Представляешь, все на одно лицо, горласты, прожорливы, что твои утки, резвы, как жеребята! Может, присоветуешь, что дальше с ними делать? – Верменич в недоумении развел руками и посмотрел на товарища, расправлявшего с устрицами.

Адашев, отодвинув блюдо с очищенными перламутровыми раковинами, вытер рот салфеткой, налил себе немного шабли и сделал несколько глотков. Отставив бокал в сторону, опять утерся и только тогда соизволил ответить:

– Прежде всего прекрати вести себя как мартовский кот и женись в конце концов! Тебе это сделать гораздо легче. Ты не связан никакими обязательствами, а мне в первую очередь нужна взрослая, опытная женщина, чтобы могла справиться с моими балбесами.

Верменич задумчиво постучал кончиком ножа по опустевшему блюду и поднял глаза на князя Кирилла:

– Ты не поверишь, но я ведь за этим и приехал в Петербург. Была у меня на примете одна барышня, умница, красавица и, главное, богатая. Папенька ее, по слухам, дает в приданое пять или шесть тысяч душ, на сто тысяч земли, да еще ста тысячами ежегодного дохода согласен поделиться. Скажи, чем не приличная партия?

– Ничего не скажешь, приличнее не бывает! – согласился князь.

– Но, увы! – Павел, кажется, впервые в жизни был неподдельно огорчен. – Но, увы, я опоздал!

– Что же, кто-то наперед тебя успел? – Адашев сочувственно посмотрел на приятеля.

– Нет, замуж она не вышла, но почему-то вдруг решила вернуться к отцу в имение. Я тут вчера у тетки ее пытался причину узнать, и она, похоже, знает, но не говорит. Уж как я ее уламывал, раз десять ручки целовал, мозоль на языке вскочила от тех дурацких компли-

ментов, что ей наговорил! Нет, смеется себе, и все тут! Даже на свой знаменитый «четверг» не пригласила, шельма! – Верменич с досадой отбросил нож и, сердито насупившись, оглядел заполненный зал. Его взгляд наткнулся на кого-то в дальнем углу, он вгляделся пристальнее и вдруг повеселел. – Смотри, смотри, кто на свет божий вылез! Красавчик Кирдягин! Это ведь его она чуть ли не принародно по щекам отхлестала!

– Господи, Павел! – Князь страдальчески сморщился. – Упаси меня от этих разговоров. Меня совершенно не интересует, кто кому съездил по физиономии...

– Ну и зря! – Верменич, порозовев от возбуждения, наклонился к нему через стол. – Это же тот самый Кирдягин, которого моя несравненная Александра на одном из последних балов основательно отлупила!..

– Какая еще Александра? – Адашев окончательно рассердился и, скомкав салфетку, бросил ее на стол. – Не хватало мне своих забот, чтобы чьими-то побитыми vitrines¹⁴ интересоваться!

– Нет, брат, подожди! – Верменич, потянув его за рукав, вынудил остаться на месте. – Это особенный случай, а ты, похоже, не в столице, а где-то на Луне обитаешь! Ведь Александра и есть та милая барышня, на которой я подумываю жениться.

– Ну так женись, в чем вопрос, а меня оставь в покое! – Князь попытался отнять руку, но не тут-то было! Хватка у Павлуши Верменича была железной. Пришлось смириться, и, вздохнув для порядка, Адашев с преувеличенным вниманием уставился на товарища. Тот принял это как должное, тут же оставил его рукав в покое, подозвал официанта, велел подать еще вина и продолжил свой рассказ:

– Эта барышня, Сашенька Волоцкая, племянница графини Буйновской, только в нынешнем сезоне появилась в Петербурге, причем не с самого начала, а где-то уже после Рождества, потому я слишком поздно о ней и узнал. Сознайся, ты ведь слышал о ней? Просто не мог не слышать! От ее фокусов и bons mots¹⁵ весь Петербург точно вулкан клокочет. Не чета нашим пресным барышням, на все у нее готов ответ. Осмелилась даже поспорить с сенатором Галаниным по поводу, говорят, крестьянского вопроса и переустройства общества.

– Очевидно, сия барышня из тех «синих чулков», что сейчас устремились в университеты французские да английские?

– Нет, про «синий чулок» никто не упоминает, наоборот, все как один утверждают, что девушка она весьма привлекательная, но очень уж языкаста, не приведи господь! – Павел тяжело вздохнул. – Возможно, слышал, папаша у нее известный путешественник, она вместе с ним всю жизнь за границей прожила, наших законов не знает, представляю, каково ей сейчас в нашей безмозглой и напыщенной атмосфере! Местные бонвиваны к ней, как мухи на мед, устремились, но что интересно, – Верменич радостно улыбнулся, – она всем скоренько от ворот поворот устроила. – И Павел поведал другу несколько случаев преуспевания Сашеньки Волоцкой в отваживании женихов.

Князь, презрительно усмехнувшись, в недоумении посмотрел на друга:

– Кажется, в английском языке есть очень сильное слово hooligan,¹⁶ которое чрезвычайно подходит к этой *милой* барышне. Не хочешь ли ты сказать, что серьезно увлечен этой девицей?

Верменич сконфуженно улыбнулся:

– Честно сказать, мне ее так и не удалось увидеть. Графиня уехала прежде, чем я появился в Петербурге, но ты недалек от истины, она меня очень заинтересовала, хотя в свете ее иначе как «наказанием господним» никто не называет. В последний раз она была на балу

---

¹⁴ Vitrines (франц.) – витрины; здесь – лица.

¹⁵ Bons mots (франц.) – остроты.

¹⁶ Hooligan (англ.) – хулиган.

у княгини Дувановой, ты ведь, кажется, тоже был приглашен? Не может быть, чтобы тебя ей не представили!

– Постой, постой, – Адашев наморщил лоб. – Действительно, что-то подобное было! Как ты говоришь ее фамилия? Волоцкая? А тетка ее графиня Буйновская? Теперь припоминаю, меня хотели с ней познакомить, но мадемуазель постоянно то исчезала, то танцевала, так что сие счастье меня миновало! Видно, господь решил уберечь меня от встречи со столь экстравагантной особой.

– Знаешь, Кирилл, не скрою, я достаточно преуспел в любовных интрижках, поэтому, *monsieur redant*, осмелюсь тебе кое в чем возразить. Со многими женщинами я просто флиртовал, с другими переспал и не только на пуховых перинах, но и на деревенских лавках. Всякое бывало в жизни, но одно я зарубил себе на носу и тебе советую сделать то же самое – если женщина собирается тебя завлечь, она изо всех сил будет стараться показать себя скромной и кроткой: ну какой же мужчина свяжет себя с мегерой? Но на поверку они таковыми и оказываются. – Павел развел руками. – Поэтому мне по душе те, у которых все написано на лице. Они не скрывают своих истинных чувств за маской смирения, они искренни и порывисты! Если любят, то всей душой и сердцем, если ненавидят или презирают, то не постесняются съездить тебе по роже! Им не надо притворяться ни до замужества, ни после. Вот такую женщину я хочу и найду непременно! – Он озорно улыбнулся. – Заберусь в любой медвежий угол, хоть на край света, но Сашеньку Волоцкую разыщу и обязательно на ней женюсь, помани мое слово!

– Извини, друг, но здесь я тебе не помощник. – Князь усмехнулся. – Гляди только, чтобы это «наказание» тебе голову не оторвало мимоходом. А мне и своих *enfants terribles* хватает, могу уступить на время, если тебе острых ощущений недостает!

Верменич не успел найти достойный ответ, его внимание привлекла шумная компания, появившаяся из дверей кабины, в которой гости мосье Леграна обычно ужинали с дамами. Одна из женщин, самая очаровательная, но несколько крикливо одетая, направив свой взор поверх голов спутников, остановила его на князе и расцвела приветливой улыбкой. Адашев слегка привстал со своего кресла и отвесил ей вежливый поклон. Дама в ответ изящно взмахнула ручкой, но ее тут же подхватили под локоток, и она, беспрестанно оглядываясь, последовала за своим кавалером к выходу.

– Ничего себе! – Павел, в шутливом ужасе округлив глаза, навалился грудью на стол и устался на друга. – Ты, оказывается, знаком с прехорошенькой птичкой и помалкиваешь! Кто такая, если не секрет?

– Баронесса Полина Дизендорф, – сухо ответил князь. – Мы с ней познакомились по пути на бал к Дувановой. У моей кареты лопнул обод на колесе, и она любезно согласилась подвезти меня. Правда, за эту услугу мне пришлось станцевать с нею пару танцев, а вчера я получил приглашение на званый ужин в ее загородном доме, вот и все знакомство, мой любезный любопытный друг!

– Определенно, ваша светлость, от тебя и на дыбе покаяния не добьешься! – посетовал Верменич. – Надо же, утаил знакомство с такой красавицей! Теперь я понимаю, почему ты мою Сашеньку не заметил. Очутись рядом со мной подобная женщина, сию же минуту распустил бы свой гарем, вот те крест, Кирюша!

– Ну, хватит с меня гаремов, вдовствующих баронесс и хулиганок графинь! Что у нас, более интересных тем для разговора не найдется? Едем немедленно ко мне, посидим в тишине и поговорим о чем-нибудь более приятном. – Адашев легко поднялся с кресла, но уже на выходе из ресторана вдруг остановился. – Послушай, как ты говоришь фамилия этой девицы? Волоцкая? Кажется, я в самом деле знаю отца твоей графини, и в связи с этим мне припоминается одна занятная история...

За время недолгого пути в карете к дому князя Павел Верменич выслушал короткую, но чрезвычайно его позабавившую историю о встрече Кирилла Адашева с семейством Волоцких на шлюпе «Мирный».

Русские моряки, возвращаясь после открытия ими Антарктического материка, сделали кратковременную остановку в Порт-Джеконе¹⁷ для пополнения запасов воды, продовольствия и срочного ремонта. Граф Василий Волоцкий занимался в то время зоологическими и ботаническими исследованиями в Новом Южном Уэльсе.¹⁸ По приглашению Лазарева он вместе с женой и ребенком приехали в порт и поднялись на борт корабля. Супруги были несказанно рады неожиданной встрече с соотечественниками. Граф и графиня оказались исключительно милыми, симпатичными людьми. Офицеры, отвыкшие от женского общества, оказывали молодой очаровательной Ольге Волоцкой знаки внимания, на что она лишь смущенно улыбалась, держалась скромно; ее вопросы о целях похода и дальнейших планах экспедиции показали, что она достойная жена своего мужа. Чета Волоцких с восторгом слушала рассказы об открытиях, сделанных во время путешествия, о научных наблюдениях, которые проводились на борту «Мирного», но насладиться интересной беседой в достаточной степени им помешало их непоседливое чадо.

За те несколько часов, что Волоцкие гостили на корабле, оно облазило все матросские кубрики, свалилось в завонявшую от жары бочку из-под солонины, попыталось спрятаться в якорном ящике и путалось в ногах у команды, занятой ремонтом такелажа. Наконец старый, из кантонистов, боцман Гордеев, у которого дитя попыталось стащить его дудку, но после неудачной попытки прилипло к нему как репей, в надежде сменить ее на полудохлую ящерицу, прокрался к каюте мичмана Адашева, где тот отдыхал после ночной вахты, и, зная его как самого покладистого офицера, сочувствовавшего тяжелой матросской доле, умолил его избавить команду от этого зловредного сатаненка. Гордеев в виде доказательства предъявил свой, желтый от табака, обмотанный тряпицей указательный палец, который чуть не оттяпала в предсмертных судорогах туземная рептилия.

Адашев, чертыхнувшись про себя, просьбу команды уважил и в последний буквально момент успел ухватить бесенка за шиворот и тем самым спасти от несварения желудка любимца экипажа пса Негодяя, которому графский отпрыск попытался насильно скормить окончательно издохшую ящерицу. Он отнес отчаянно брыкающегося маленького безобразника под крыло милой мамаше, и только тогда на корабле смогли спокойно вздохнуть и продолжать работы...

Во время обеда, устроенного командиром в честь гостей, князь с недоумением всматривался в отмытое личико ребенка, как такое поистине ангельское создание за три часа пребывания на палубе лишь благодаря бдительности экипажа не умудрилось натворить больше бед, чем «ревушие сороковые» и «бешеные пятидесятые» широты вместе взятые. Но настоящий шок испытали все офицеры, а их боевой и невозмутимый всегда командир чуть не подавился своим любимым борщом, когда в ответ на его любезное предложение немного подрасти и идти на «Мирный» в юнги этот чертенок с ясными голубыми глазами херувима, подпрыгнув от радости, издал жуткий боевой клич каннибалов с острова Новая Гвинея и повис на шее у Лазарева.

Графиня, встав со своего места, сняла ребенка с Михаила Петровича и тихим ласковым голосом произнесла единственную фразу, которая произвела на присутствующих в кают-компании впечатление удара корабля о рифы... Она сказала:

– Сашенька, девочки не могут служить юнгами на военных кораблях...

... Верменич, привалившись к стенке кареты, уже не хохотал, а, вытирая слезы большим носовым платком, еле слышно стонал:

---

¹⁷ Теперь г. Сидней в Австралии.

¹⁸ Австралийская провинция.

– Ну, право же, наказание господне, самый настоящий мамелюк¹⁹ в юбке! – Павел поднял покрасневшие глаза на друга, который с самым невозмутимым видом взирал на его потуги справиться с приступом смеха. – Так сколько, говоришь, ей в ту пору было? Лет семь, восемь? Сейчас, значит, в самом соку барышня! Давай поспорим, что никуда она от меня не денется. Я не я буду, если самое позднее к осени не укрошу эту строптивую графиню!

---

¹⁹ *Мамелюки*– воины конной гвардии египетских султанов, отличавшиеся особой дерзостью и отвагой.

9

Карета слегка дернулась и опять покатила по тракту, мягко пружиня и покачиваясь. Саша, открыв глаза, зевнула и зябко поежилась. Вот уже и десятый день их путешествия миновал! Она выглянула в окно. Солнце скатывалось к горизонту прямо в мохнатые темно-серые тучи, наползающие с запада. Погода не баловала с самого начала пути. Весенние проливные дожди и неперенная российская распутица вынуждали их часто останавливаться, отчего и лошади, и люди уставали безмерно и уже не чаяли оказаться дома, в родном имении.

От бесконечного покачивания и тряски к концу дня в глазах начинали мельтешить надоедливые черные мушки, к горлу подступала тошнота. И было величайшим счастьем очутиться вдруг в более-менее приличной гостинице или даже на постоялом дворе, где с грехом пополам удавалось добыть горячей воды, переодеться в чистое и на несколько часов почувствовать себя цивилизованным человеком.

Но сегодня, к всеобщей радости, дождь прошел стороной и им удалось проехать около восьмидесяти верст. Правда, с двухчасовым перерывом на почтовой станции, где крупнотелая хозяйка, на удивление опрятно одетая, накормила гостей невероятно вкусным супом из гусиных потрошков и сдобными пирогами с капустой. После обильного обеда путники заклевали носами и умудрились, несмотря на привычную тряску, подремать. Даже неугомонная Серафима, которой весна прибавила веснушек и жаркой рыжины в волосах, перестала без умолку тараторить, вертеться व्यюном и высовываться в окно, а прикорнула на широком плече лакея Акима. Тот, по приказу графа Волоцкого, исполнял роль телохранителя его дочери и с этой целью был вооружен двумя кремневыми пистолетами времен суворовских кампаний.

Сию ответственную службу Аким нес поочередно со старшим братом Данилой, который совмещал ее с обязанностями второго форейтора. В данный момент он скакал на одной из сменных лошадей, присматривая одновременно и за ними, и за каретой с тыла. Эти предосторожности пришлось предпринять несколько дней назад, когда на постоялом дворе их предупредили, что в окрестностях орудует шайка беглых каторжников, грабящих всех без разбора, но питающих особый интерес к почтовым каретам и к таким, как у Саши, богатым экипажам. Поэтому и старались наши путешественники устроиться на ночлег до темноты. К тому же и попутчик, казачий хорунжий, следовавший с ними почти до полудня, тоже посоветовал избегать езды в сумерках.

Кучер старался вовсю, чтобы к ночи добраться до Курска. Оставалось не более десяти верст. Лошади, почувствовав скорый конец утомительного пути, как будто обрели второе дыхание: несли карету легко, точно после долгого ночного отдыха.

Когда они выехали из Петербурга, вдоль дороги еще лежали грязные сугробы мокрого ноздреватого снега. На проезжей части снег окончательно раскис, размесил глину, и она липким фонтаном летела из-под колес и копыт. К вечеру карета, упряжь, брюхо и ноги лошадей, одежда ездовых покрывались противной толстой коркой, которую лакеям приходилось каждый раз перед сном отскребывать и отмывать.

Мысли Саши, как и ее слуг, наперед кареты спешили в родное Волоцкое. Все соскучились по своим домашним и с нетерпением ждали Курска. После него до имения оставалось менее двухсот верст. По хорошей дороге да при сухой погоде и за два дня можно успеть!

Весна тем временем наступала семимильными шагами. По обочинам тракта сначала робко, но с каждым днем все отважнее зазеленела трава, покрылись невесомым зеленым кружевом ольха, ракиты и согретые солнечными лучами березовые и дубовые рощи. Вышли в дозор на поля толстые, важные грачи, засуетились около скворечников неугомонные скворцы, а сегодня поутру в сизой заречной дымке глуховато прокуковала кукушка.

Тощая крестьянская живность, сопровождаемая не менее тощими пастухами и собачонками, пыталась отыскать в космах прошлогодней травы что-нибудь съедобное. И, если им это удавалось, коровенки задирали головы, издавая утробный клоч...

Саша вздохнула. В имении ее ждало множество дел. За долгую поездку она обдумала и распланировала все свои действия на будущее, вначале по ревизии земельных владений, а потом уже и по доскональному знакомству с остальным хозяйством. Это были первостепенные дела, а сколько намечено мелких, второстепенных. Со всей этой прорвой забот предстояло управиться до начала весеннего сева, иначе их будет прибавляться с каждым днем, это как снежный ком, который в конце концов ее задавит.

Но самое главное, эти невеселые мысли отвлекали ее от воспоминаний о событиях на последнем балу. Дорожные впечатления тоже помогали отвлечься. Наступал, однако, вечер, и девушка вновь оставалась наедине со своей памятью, а та воскрешала картинки из недавнего прошлого, являя образ человека, которого она, как ни старалась, не могла забыть.

Мысли сменяли друг друга, подобно веренице полосатых верстовых столбов. Никогда прежде Саша не была влюблена и свое нынешнее состояние едва бы посмела назвать влюбленностью. Но почему же так странно щемит сердце, и ощущение это усиливается с каждой верстой, удаляющей ее от столицы? Почему не покидает чувство безвозвратной потери чего-то важного, без которого невозможна дальнейшая жизнь?..

Дорога извивалась, поднималась на холмы и спускалась в ложбины, пересекала освободившиеся ото льда спокойные речушки, спешила сквозь прозрачные еще рощи... Вот показалась рассыпавшаяся по старой балке деревушка. Унылые пейзажи на фоне серых изб, покосившиеся кресты на заброшенном кладбище, приземистая церковь на холме... Все эти приметы скудной сельской жизни появлялись и исчезали то в одном, то в другом сочетании – безрадостное зрелище, которое не оживит даже свежее дыхание весны.

Заходящее солнце высветило широкий деревянный мост, пересекавший глубокий овраг с ручьем на дне. Здесь встречались и разбегались на четыре стороны света несколько дорог. Сразу за мостом виднелась старая застава – квадратное массивное сооружение из крепких бревен. При заставе бывает приличный постоялый двор с трактиром. При желании тебе вскипятят воду, почистят обувь и одежду и даже ничего не украдут при этом. Путешественники заметили несколько конных экипажей, въезжавших во двор заставы, но Саша велела кучеру Терентию не останавливаться. В Курске, как она знала по прошлому посещению, есть несколько гостиниц с хорошими ресторациями.

Кучер озабоченно посмотрел на небо и, нахмурившись, заметил:

– Дотемна не поспеем!

Саша ему не ответила, тихое посапывание спутников несколько успокоило ее, и она решила тоже подремать. Внезапно карета резко дернулась, девушка выглянула в окно. Начался один из самых трудных участков пути – крутой и долгий спуск перед селом Воздвиженским.

Она уперлась полусапожками в основание сиденья напротив, где продолжали дремать ее попутчики, и глубоко вздохнула. Подпрыгивая на рессорах и кочках, карета быстро катила в серо-зеленую тьму деревьев, спускаясь с холма. Девичье сердце неистово стучало в груди, и Саша закрыла глаза, представляя, как у экипажа вдруг вырастают крылья и он вот-вот воспарит над землей. Она слышала легкое позвякивание конской сбруи. Дробный стук копыт о просохшую землю звучал все глуше и глуше по мере спуска в низину. Окрики кучера и форейтора, сдерживающих лошадей, тоже такие знакомые и изрядно надоевшие звуки, сейчас складывались в давно известную и любимую мелодию, предвещавшую скорый отдых, хороший обед и чистую постель.

Данила отвязал сменных лошадей, и они скакали вдоль обочины. Парень повернул голову к карете, что-то озорно и весело прокричал и, подстегнув лошадь, приблизился к экипажу.

Склонившись к окну, он улыбнулся, блеснув в подступивших сумерках зубами, и, вытянув руку вперед, возбужденно возвестил:

– Смотрите, барышня! В райские ворота въезжаем!

Серафима и Аким, подняв головы, завертели ими в недоумении. Саша выглянула в окно, и сердце ее замерло от восхищения. Дорога уходила на юго-запад прямо под темно-серую с фиолетовым оттенком тучу. Подобно гигантской арке, она перекинулась с одного края горизонта до другого. Невесомые облака, словно изысканные брюссельские кружева на шейке великосветской красавицы, располагались по самому краю зловещей тучи. Заходящее солнце окрасило их в неестественно багровый цвет – жуткая и одновременно завораживающая картина! Последние лучи, точно гигантские булатные мечи в руках древних богатырей, пробили мрачные глубины, вырвались на свободу и затерялись где-то у подножия холмов, за которыми угадывался большой город.

Дрожь восторга пронзила Сашу. Она засмеялась, притянув к себе Серафиму, и уже вдвоем они принялись наблюдать за сотворенным природой чудом. Они не слышали криков ездовых, не обращали внимания на резкие толчки и опасный крен кареты. От большой скорости девушки испытывали легкое головокружение, теплый, напоенный запахами весны и счастья ветер бил им в лицо тугой струей, заламывал поля шляпок, играл с выбившимися прядками волос, но так и не сумел загасить возникший на девичьих щеках румянец, охладить разгоряченные лица.

Саше хотелось, чтобы это чудесное предчувствие полета продолжалось вечно, но истошные крики ездовых неожиданно вторглись в ее сознание. Она почувствовала, что лошади замедляют бег, а воздушный поток, будто ласковый котенок, мягкой лапкой скользит по ее щекам. Девушка судорожно вздохнула. Всего на мгновение ей представилось, что это сильные мужские пальцы легко коснулись ее кожи, сердце вновь блаженно сжалось, и Саша поняла, что все попытки избавиться от охватившего ее наваждения напрасны. Она сама выбрала свой крест и свою Голгофу и теперь отныне и до века будет проклинать свою нерешительность на балу, из-за которой ей никогда не быть счастливой!

Саша отодвинулась от окна. Прикрыв глаза, откинулась головой на спинку сиденья. Спуск кончился, они пересекали узкую впадину между холмами.

Сюрпризов никто не ожидал, и коварный подвох в виде разобранного мостика через ручей был настолько неожиданным, что фореитор, заметивший его в последний момент, растерялся и попытался с ходу на большой скорости проскочить препятствие. Кучер же, наоборот, решил осадить свою пару, натянул поводья, и карету, не выдержавшую таких маневров, сначала развернуло поперек дороги, а потом и вовсе завалило набок.

Данила, яростно выругавшись, попытался подпереть экипаж плечом. Но испуганная лошадь шарахнулась в сторону, чуть не сбросив его под колеса. Следом оглушительно лопнули ремни, сдерживавшие чемоданы и сундук. Багаж рассыпался и еще больше напугал лошадь. Она резко вскинулась на дыбы и сбросила парня прямо под ноги бившейся в постромках и храпящей от ужаса второй ездовой паре. Кучер и фореитор, не обращая в запале внимания на поверженную карету, старались растащить запутавшихся в сбруе лошадей. Сделать это в навалившейся на ложбину темноте было невозможно. В суматохе они лишь мешали друг другу, и неизвестные поганцы могли быть довольны – экипаж валялся на боку, лошади окончательно запутали всю упряжь, а двое слуг приготовились обменяться затрещинами.

Первым вспомнил о своих основных обязанностях Данила. Запалив факел и приволакивая ногу, он приблизился к экипажу и заглянул внутрь. Сквозь разбитое окно наружу высунулась бородастая физиономия Акима. С помощью брата он открыл перекосившуюся дверцу, которая тут же слетела с петель и осталась в могучих руках лакея. Саша, пошатываясь и опираясь на руку Акима, выбралась следом за ним, помогла выкарабкаться Серафиме. Петруха, младший сын и помощник кучера, которому отец доверял управлять лошадьми на легких

участках пути, перехватив у Данилы факел, поднял его повыше, и путешественники с ужасом поняли, что на сегодня их поездка закончилась. Слишком жалкое зрелище представляла их карета с оторванными дверцами, выбитыми стеклами, помятыми верхом и боками. Исчерпавшие весь словарный запас ездые обрубали постромки и теперь пытались успокоить лошадей.

С заходом солнца резко похолодало и вдобавок ко всему заморосил мелкий надоедливый дождь.

В переделку они попали основательную, приходилось изрядно поломать головы над тем, что же делать дальше.

До города было далековато, дожидаться под дождем с пронизывающим ветром, когда добудут посланцы другой экипаж, никому не хотелось. В конце концов решили Терентия и Петруху оставить на месте караулить вещи и карету, чудом поставленную на колеса. Хозяйка, ее горничная и остальные трое слуг должны верхом вернуться на заставу, дожидаться там утра, найти новый экипаж или по крайней мере мастера, чтобы починить карету.

Внезапно лошади, которых ездые держали под уздцы, испуганно захрапели и попятись от края дороги, увлекая за собой людей. В дрожащем свете гаснущего факела Саша с ужасом разглядела не менее десятка вооруженных пистолетами и дубинками человеческих фигур, скачками спускавшихся с ближних холмов. Нападавшие молча окружили их плотным кольцом. Опешившие было Данила и Аким попытались выхватить из-за кушаков оружие, однако тут же от удара дубинкой свалились на землю. Петруха в этот момент вскочил на лошадь, но несколько грязных рук протянулись к нему, сбросили на землю. Дубинка прошла по его спине, и парнишка, жалобно вскрикнув, скорчился у ног испуганно всхрапывавшего коня. Серафима, завопив не своим голосом, изо всех сил лягнула в живот бродягу, удерживавшего ее за руку, а потом от резкого толчка в спину, которым ее угостил другой оборванец, полетела на землю. Вне себя от злости, забыв страх, но отнюдь не уроки старого тибетского монаха, Саша с размаху всадила два сжатых вместе пальца правой руки прямо в подключичную ямку обидчика своей горничной. Бродяга захрипел и упал навзничь. Один из трех уркаганов, стерегших Терентия и второго фореитора, попытался схватить графиню за руки, но она, высоко подобрав юбки, повторила опробованный Серафимой прием и, не обращая внимания на истошные вопли жертвы, бросилась на помощь Терентию. Кучер умудрился вырвать у одного из противников дубинку и яростно отбивался от нападавших. Верная Серафима, придя в себя и ухватив поверженного хозяйкой разбойника за волосы, отчаянно колотила его головой о землю. Саша, краем глаза углядевшая блеснувший в руке бродяги нож, выдернула из-за голенища сапога Данилы кнут и, раскрутив его над головой, захлестнула вокруг давно не мытой шеи.

Серафима тоже весьма успешно справилась с бродягой, находившимся уже в бессознательном состоянии, связав его по рукам и ногам длинным Сашиным шарфом и кушаком Акима. Затем, схватив пистолет одного из опростоволосившихся телохранителей, горничная взяла под прицел двух оборванных громил, которые, будто не замечая наведенного на них дула, крадучись подходили к ней с двух сторон, растопырив руки и плотоядно облизывая губы.

– Барышня! – жалобно вдруг вскрикнула девушка и нажала на курок. Один из бродяг дернулся, завопил белугой и повалился на бок, поджав ноги к животу. Второй отскочил в сторону и, петляя, как вспугнутый заяц, понесся в темноту. Серафима, перепрыгнув через поверженного разбойника, бросилась на подмогу к фореитору. Один из каторжников припер его к передку кареты и занес над головой тяжелый топор. Со всего размаху девушка прыгнула на спину громилы и вцепилась ему в волосы, визжа от страха или от возбуждения, а скорее от того и другого вместе взятого. Мужик от неожиданности уронил топор на собственную ногу. Заорав от боли, он согнулся в три погибели, пытаясь сбросить цепкого, как клещ, противника и рассмотреть рану, и это было последней в его жизни ошибкой. Опомнившийся фореитор камнем проломил ему череп и, подобрав освободившийся топор, бросился на помощь Терентию.

– Сима, посмотри, что там с Данилой и Акимом! – приказала Саша горничной, а сама склонилась над Петрухой; подхватив его под мышки, она оттащила его поближе к карете. Выглянув из-за экипажа, в слабом свете луны она разглядела, как Серафима, открыв сундук, рвет нижние юбки на полосы, очевидно, для перевязки раненых, и поспешила ей на помощь. Но не успела сделать и пару шагов, как сильнейший удар в спину сбил ее с ног. Кто-то страшно вонючий, с липкими волосатыми лапами, навалившись на девушку, зажал ей рот и накинул на голову дерюгу. А потом подхватил на руки и через мокрые от дождя кусты поволок в гору.

Саша изловчилась и сквозь тряпку укусила похитителя за отвратительно пахнущую ладонь. Человек зашипел от боли, грязно выругался и, намотав на кулак ее волосы, рванул их с такой силой, что она закричала и почувствовала, что теряет сознание. На мгновение ей показалось, что голова ее вслед за косой отделяется от туловища, а она сама устремляется в поднебесные выси.

Вслед за этим сквозь пелену, затягивающую мозг, Саша уловила пронзительный вопль Серафимы, безумное ржание лошадей, несколько оглушительных выстрелов. И вслед за этим ужасный свист и рев одновременно, перемежаемый странными гортанными выкриками.

– А-а-а-э-э-у-у-э-у-а! – эти непонятные и вместе с тем жуткие звуки напомнили ей боевой клич индейцев. «Откуда тут взялись индейцы?» – успела подумать девушка и потеряла сознание.

...Очнулась она от прикосновения влажной ткани к своему лицу. Саша открыла глаза и в свете факела увидела склонившуюся над ней отвратительную физиономию, заросшую по самые глаза лохматой бородой, увенчанную сверху не менее лохматой то ли шапкой, то ли шевелюрой. Девушка зажмурилась от отвращения и, сжав кулак, попыталась нанести удар в переносицу своего vis-a-vis. Но железные пальцы перехватили ее запястье и с силой отвели руку в сторону. Она сжалась в комок в ожидании удара, но вместо этого услышала вдруг смех Серафимы. Ее весело улыбающееся лицо склонилось над молодой хозяйкой, а чей-то незнакомый голос со странным акцентом произнес:

– Дэрется барышня, значит, жит будыт!

Серафима обняла Сашу за плечи и помогла ей сесть. Девушка обвела взглядом поле сражения: несколько связанных по рукам и ногам пленников рядом лежали около кареты. Аким и Данила с забинтованными головами сидели на земле подле притихших мазуриков, сжимая в руках дубинки. Терентий и фореитор Кондрат суетились над Петрухой. Парнишка, к счастью, был жив и, видно, тоже пришел в себя: Саша услышала несколько слов, которыми он обменялся с отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.